

ИВАН НОВОЖИЛОВ
ВЛАДИМИР ШУСТОВ

РАЗОБЛАЧИ ШПИОНА, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ В ТЫЛУ ВРАГА!

КОРОЛЕВСКИЙ ГАМБИТ

ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Владимир Шустов

Королевский гамбит

«Алисторус»

2026

УДК 82-312.4:355-40
ББК 84стд1-445.7:68.23-2

Шустов В. Н.

Королевский гамбит / В. Н. Шустов — «Алисторус», 2026

ISBN 978-5-00269-379-5

Роман Ивана Новожилова и Владимира Шустова «Королевский гамбит» переносит читателей в атмосферу жестоких испытаний Великой Отечественной войны. Его главный герой — старший сержант Николай Полянский, талантливый войсковой разведчик, чьи умения и отвага неоднократно спасали жизни сослуживцев. Однако даже он не застрахован от ошибок... В немецком тылу Полянский нарушает приказ командира лейтенанта Киреева — из-за чего разведгруппа чудом избегает гибели. Вскоре ситуация осложняется: его собственный кинжал находят в теле убитого Киреева. Что бы доказать свою невиновность Полянскому нужно найти истинного убийцу и разоблачить немецкого агента — кого-то из бойцов подразделения. Книга поражает своей атмосферой, правдоподобием деталей и способностью создать напряжение буквально на каждой странице. Здесь читатель найдет всё — от драмы человеческих судеб до глубокого понимания психологии и внутреннего мира людей, оказавшихся в экстремальных условиях войны.

УДК 82-312.4:355-40
ББК 84стд1-445.7:68.23-2

ISBN 978-5-00269-379-5

© Шустов В. Н., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Карта обер-лейтенанта Руттера	6
В кругу друзей	16
Кинжал разведчика	27
Враг не должен унти...	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Иван Новожилов, Владимир Шустов

Королевский гамбит

© Новожилов И. Г., 2026

© Шустов В. Н., 2026.

© ООО «Издательство Родина», 2026

Карта обер-лейтенанта Руттера

Обер-лейтенант, насвистывая веселую песенку из модной берлинской оперетки, беспечно шагал по песчаной выющейся вдоль заборов тропинке. Рядом лежала дорога. Бурая пыль ее была взбита колесами военных машин и повозок, а заросшие травой обочины расчерчены ребристыми оттисками танковых гусениц. День стоял на редкость погожий, тихий. В отдалении глухо рокотали орудия: в двадцати – двадцати пяти километрах от станции Ключи проходила линия фронта. Там, где грохочет бой, война, конечно, представляет опасность... И вдруг за ивовым плетнем, в зеленых лопухах мелькнул чей-то глаз. Обер-лейтенант схватился за пистолет. И тут, так показалось ему, небо рухнуло, покачнулась земля, завертелись, закружились белые мазанки, деревья, заборы. Вопль о помощи замер на губах офицера: пахнувшая крутым солдатским потом жесткая ткань плотно закупорила рот. Откуда-то хлынул оранжевый поток тумана...

И сразу же над распростертым в бурой пыли телом склонился парень богатырского сложения в широком темно-зеленом со светло-коричневыми пятнами маскировочном халате. Ловко подхватив обер-лейтенанта под мышки, взвалил на себя, перескочил покосившийся плетень и скрылся среди буйных зарослей заглохшего фруктового сада.

Из крупнолистных лопухов, кустившихся по обе стороны плетня, порскнули куры. Огненно-рыжий петух шумно захлопал крыльями, взлетел на плоскую крышу сарая. Одна из стен этого сарая развалилась, и замшелые доски торчали в разные стороны, словно шпангоуты разбитого бурей парусника. Воинственно оглянувшись, петух вытянул шею со встопорщенными перьями, надулся и закукарекал.

В белой мазанке, что стояла как раз напротив сарая, распахнулось окно. Солнце, отраженное стеклами, золотым дождем брызнуло на цветущий в палисаднике вишеник, расплескалось по испятнанной желтыми огоньками мать-и-мачехи лужайке. В окне с резными наличниками, как в портретной раме, возникла бледная одутловатая физиономия офицера с большим носом, черными усиками и косой челкой над правой бровью. Невольный свидетель разыгравшейся сцены смотрел на зеленые лопухи, где все еще кудахтали куры, на петуха, голосившего на крыше сарая, на заглохший сад, где скрылся призрачный великан. То, что произошло сейчас здесь, в глубоком тылу, где располагается штаб немецкого корпуса, казалось ему невероятным. Все оттенки боязни, тревога, страх, паническое смятение поочередно побывали на одутловатом и бледном лице гитлеровца. Он не верил собственным глазам. Но дорожная пыль сохранила четкий оттиск обер-лейтенантовой спины, а внушительные следы, оставленные подошвами солдатских сапог с подковками на каблуках и носках, отпечатавшиеся здесь же, исключали сомнения. И офицер заторопился. Захлопнув окно, он, нервничая, принялся застегивать френч, с трудом попадая пуговицами в петли. Но, так и не застегнувшись, взвел курок пистолета и бросился в штаб.

Гарнизон был поднят на ноги. Сразу же удалось выяснить, что русскими похищен обер-лейтенант Руттер, командированный с особо секретным поручением в Ключи. Начальник штаба пехотного корпуса оберст Зильберг, у которого всего лишь полчаса назад сидел гость из штарма, негодовал: среди бела дня, почти на глазах гарнизона похитить офицера! На оборонительные участки Зильберг направил экстренное распоряжение. «В наши боевые порядки проникла группа русских разведчиков...» – и далее категорически приказывалось «во что бы то ни стало ликвидировать группу». Оберст потребовал удвоить, утроить... удесятить бдительность.

Ключи были взяты в кольцо, и по горячему следу похитителей устремились автоматчики, проводники с лучшими сыскными собаками.

А в это время обер-лейтенант Руттер лежал под шелестящим на ветру пологом густых орешников, что заполнили до краев глубокий овраг в полутора километрах от Ключей. Лежал он на спине, раскинув руки по сторонам и задрав к небу острый подбородок. В подернутых мутной белесой пленкой глазах его отражались барашки белых облаков, небесная синь. У изголовья, на траве, сидел, сложив ноги калачиком, старший сержант Николай Полянский и угрюмо созерцал лиловый кровоподтек на виске «языка».

Ветка лещины мерно раскачивалась, цепляясь за пилотку Николая, будто силилась стянуть ее с головы парня, прикоснуться к его русым кудрям.

Смерть обер-лейтенанта всерьез опечалила Полянского. Ведь он пленил его с целью... Дело в том, что противник внезапным ударом отбросил наши части на восточный берег реки Сож, и группа разведчиков из дивизии генерала Букова, еще две недели тому назад ушедшая в поиск во вражеский тыл, оказалась в полнейшей изоляции. Они не знали теперь, как и где переходить линию фронта. А бродить по территории, занятой врагом... Рано или поздно разведчики будут обнаружены фашистами и погибнут в неравном бою.

Обер-лейтенант мог, наверное, многое прояснить. Он указал бы на слабые места в своей обороне, точно обозначил бы по карте стыки между частями и подразделениями...

Но удар, силу которого старший сержант не соразмерил в спешке, перемешал все расчеты, свел на нет дерзкую операцию, на свой страх и риск предпринятую Николаем.

Послышалось тонкое повизгивание собак, голоса людей, позвякивание оружия. Вскочив, разведчик торопливо сложил документы и письма, найденные у обер-лейтенанта, в его же полевую сумку, отстегнул и спрятал за пазуху пистолет, взял автомат наизготовку и спустился по глинистому склону в овраг, где протекал мутный ручей. Листва не пропускала сюда солнечных лучей, поэтому воздух здесь был сырой, тяжелый. По ручью Николай добрался до речки, окунулся в воду с головой, смыл запахи и, крадучись, камышами двинулся на восток.

Погоня спешила. Овчарки, щетиня на загривках шерсть, рвались вперед, натягивая ременные поводки. С убыстренного шага проводники давно уже переключились на рысь и все же, едва поспевая за собаками, продолжали подгонять их.

– Искать! Искать! – разносилось по речной долине.

На трясинистом полуострове, в том месте, где кочковатая поросшая осокой перемычка опоясывает полукольцом устье ручья, собаки заматались, виновато скуля: след исчезал. Черты-хаясь, солдаты разбрелись по жухлым прибрежным камышам, исследуя каждый клочок земли. Злые, перепачканные илом, утомленные ходьбой по зыбким плавням, они затем сгруппировались на полянке и начали совещаться. Говорили горячо. Размахивали руками, показывая то на восток, то на запад. Замолкали над картой. И снова галдели. Наконец, пришли к единому решению, разделились на четыре группы. Две, столкнув в воду надувной понтон, очевидно, забытый здесь саперами, переправились на противоположный берег. Замысел немцев был прост: двигаться по обоим берегам реки в западном и восточном направлениях.

Николай, наблюдавший за военным советом врагов, недобро усмехнулся: «Стратеги, ничего не скажешь. Учли все варианты, кроме моего». Он дождался, когда солдаты разойдутся по маршрутам, и не торопясь зашагал на восток.

Густые и высокие, в рост человека, тростники были как джунгли. Местами речные берега сближались, и тогда деревья сплетали ветви над водой. Зеленые туннели эти были так низки, что приходилось пробираться по ним, согнувшись в три погибели. Поясницу ломило. Мош-кара живым облаком тянулась за разведчиком, забивалась в рот и нос, лезла в глаза и уши, крапивою жгла шею и лицо. Николай, касаясь грудью воды, не шел, а плыл, загребая руками, как веслами, гнучие камыши. С илистого дна, взбаламученного ногами, на поверхность поднимались и звонко лопались пузыри болотного газа. От него тяжелела голова, поташнивало.

Под вечер, в покрытом листьями кувшинок затончике, где, будто разом вытряхнутые из мешка, громоздились в беспорядке причудливые коряжины, Николай устало присел на корень

полузатонувшего дерева. Все сроки явки на пункт сбора миновали, а идти в глухую балку сейчас никак нельзя: если гитлеровцы возьмут след, то обнаружат группу. «А не лучше ли будет двинуть напрямик? Обойду пункт сбора и переплыву Сож возле мельницы?» Это показалось ему вначале заманчивым. Но, поразмыслив, он отверг свои планы начисто. Разведчики, конечно, ждали бы его, а потом принялись за розыски. Оставалось одно – запутать следы, сбить погоню.

Николай тяжело поднялся с коряги. В сапогах, как бы жалуясь на тесноту, всхлипывала вода. Мокрые портянки скомкались. Жесткие складки шершаво лизали ступни, жгли кожу. Цепляясь за корни, старший сержант взобрался на обрывистый берег, вылил из кирзачей бурую жижу, сполоснул портянки в протоке, выжал их досуха, переобулся и прибрежными кустами двинулся дальше.

Два немецких солдата-автоматчика и рослый проводник служебной собаки остолбенели, когда из частого ольховника на поляну вдруг вышел русский разведчик. На его широкой груди автомат казался игрушкой. С пятнистого порванного маскхалата капала вода. Овчарка рванулась вперед, но, сдерживаемая поводком, осела на задние лапы и забилась у ног проводника, выбрасывая из оскаленной пасти хлопья пены.

На мгновение Полянский тоже растерялся. Почти инстинктивно выпустил из автомата длинную очередь и отпрянул в кусты. Собака метнулась за ним. Проводник замешкался, не успел высвободить руку из ременной петли поводка, захлестнутого на запястье, покачнулся и упал. Солдаты восприняли это как команду и залегли рядом. Завязалась перестрелка.

Николаю поляна видна была вдоль и поперек. Даже буйная трава, усеянная, словно горящими угольками, бутонами тюльпанов, не маскировала врагов. Пилотки торчали из разноцветья, как замшелые пни. Вот они зашевелились, задвигались. Одна пилотка осталась в центре, а две другие стали удаляться, направляясь к флангам. «Охват...» Николай поддел на мушку левого солдата и выстрелил. Всплеснув руками, тот неловко завалился на спину. Второго автоматчика он настиг меткой очередью у самой опушки. Оставался проводник. В ложбине, среди зеленых стеблей, смутно угадывалась его голова. Чтобы стрелять наверняка, Николай положил ствол автомата в развилку крепкой ветки и скользнул взглядом по прицельной планке. «Правее, еще чуток правее...» Толчок в плечо опрокинул его. Перед ним возникла ощеренная пасть собаки. Николай, изловчившись, ударил кулаком по оскаленной морде и попытался вскочить на ноги. Но пес не давал подняться. Клыки его с треском рвали одежду. Из маскхалата выпали офицерская сумка и пистолет. Оберегая их, Николай норовил ударить собаку ногой. И ему это удалось – овчарка с визгом откатилась прочь. Николай потянулся было к застрявшему в развилке ольхи автомату и отпрянул. На пути стоял проводник. Темный зрачок пистолетного дула смотрел на разведчика в упор.

– Лежать! – возглас прозвучал, как выстрел.

Немец безучастно разглядывал безоружного и теперь, казалось ему, нестрашного врага. Он уже слышал скрипучий голос оберста Зильберга, который от имени фюрера... «Или-или, – мелькнуло в голове Николая, – золотой середины быть не может». Старший сержант, резко оттолкнувшись от земли, бросился на проводника. Сцепившись, они покатались по земле, подминая кусты. Нельзя было определить, кто из них держит верх.

Очнулась оглушенная ударом овчарка. Она молча вцепилась в Николая. Холодные костлявые пальцы проводника стиснули сержанту горло. Рука разведчика нащупала черенок охотничьего кинжала. Короткий взмах, и собака забилась в агонии.

Еще взмах – и немец расслабил пальцы.

– Рудольф! Рудольф! – прокричал кто-то на противоположном берегу.

Николай подобрал сумку, пистолет и, припадая на левую покусанную овчаркой ногу, скрылся в камышах.

Уже в сумерках вышел он к глухой балке. Друзья – Федотов, Семухин и Рыбаков – встретили прихрамывающего, покрытого с ног до головы болотной тиной и грязью товарища тревожными вопросами.

– Что стряслось?

– Ранен?

– Гнались?

– Где лейтенант, ребята? – Николай бросил автомат на охапку полыни и упал рядом. – Где лейтенант, спрашиваю? Чего смотрите? – говорил он, окая по-сибирски. – Извозился? Это я болото изучал. Не вернулся, значит, лейтенант? Да-а-а. Как бы в беду не попасть. Вздуроражил я фашистское логово.

– В Ключах был?

– Угу... Придется место сменить: немцы сюда могут нагрянуть. А с лейтенантом... Встретить бы его, предупредить, а нельзя. Патрули немецкие речушку с обеих сторон обложили.

Сухощавый Рыбаков, парень с молодеватой выправкой, которую он сохранял при всех случаях изменчивой фронтовой жизни, вытащил финский нож, нарезал дерна, выложил на лужайке круг, а в центр бросил несколько охапок травы. Со стороны любому показалось бы, что пастухи готовились разжечь костер и во избежание пожара обезопасили огневище. На самом же деле это был условный знак. Он говорил, что группе грозит опасность, что все ушли в другое место.

– Вы, ребята, шагайте, – распорядился Николай, – а я лейтенанта здесь дожусь.

– Нет, дело так не пойдет, – возразил Федотов. – Сигнал выписан четко. Взводный разберется в обстановке. Веди! Не поведешь – все останемся...

Пробирались по ручью гуськом. Километрах в трех от старой стоянки поднялись из оврага на крутизну, пересекли заросшую бурьяном пустошь и замаскировались в овражке. Только тогда Николай рассказал о происшедшем.

– Залегли мы с лейтенантом в лебеду, возле дороги, что на западной окраине Ключей. Наблюдательный пункт оборудовали, – сумерки были еще не густы, и разведчики видели, как нахмурились у старшего сержанта брови, а на скулах вздулись желваки. – Станцию, ребята, фрицы в проклятое место превратили. Что ни дерево, то удушенный на нем. А фрицы гуляют по улицам, хозяевами себя чувствуют. Ну, я лейтенанту и предложил языка прихватить, чтобы, значит, обстановку выяснить. Тот ни в какую. «Идите, Полянский, на базу, говорит, и ждите моего возвращения».

– Первое дело – осторожность, – одобрил Федотов.

– Подожди, – недовольно одернул его Николай, – стал я просить его, чтобы он меня при себе оставил. Не вышло: приказал немедленно возвращаться. По дороге не утерпел я, решил взглянуть на домишко, где мы до отступления квартировали. Может, думаю, старика встречу. Пробрался в сад, у плетня скрадок смастерил, затаился. Улочка – ни души живой. Понаблюдав малость, собрался было преспокойно двинуться восвояси – и тут откуда-то на тропке оберлейтенант появился. Идет, посвистывает, вроде бы и войны для него нет. Не тронул бы я его, ребята, честное слово, не тронул. Увидел он меня, за пистолет схватился. Пришлось... Короче, вот сумка с документами. Вот пистолет...

– Неважнецки у тебя получилось. – после глубокого молчания заметил Демьян Федотов. – А уж если брать, то живого...

– Живого и хотел... В Забайкалье у нас парни пошутить сойдутся и то крепче быют. Я и не думал, что...

– Твоими кулаками, Коля, железо ковать можно. Сколько раз воспитывал я тебя: рассчитывать удар надо. Которого «языка» губишь. Эх, ты-ы-ы, забайкальский медведь! – роясь в сумке оберлейтенанта, Демьян беззлобно ворчал на друга. Ему попалась пачка бумаг. Выбрав одну из них, он развернул ее, взгляделся и, вскочив на колени, раскинул перед товарищами.

– Карта! Братцы! Схема обороны нашей дивизии! Да, да! Вот расположение полков! А это – артиллерийские батареи, минометные роты... Глядите-ка, на ней все до последнего пулемета обозначено!

Разведчики сгруппировались над картой. В это время зашелестел орешник. По склону овражка, шурша, покатались комья сухой глины. Николай вполголоса подал команду: приготовить оружие!

Ветви заколыхались, из кустов на лужайку вышел лейтенант Киреев. Откинув капюшон маскхалата, он огляделся и, заметив притаившихся в орешнике разведчиков, спросил:

– Почему сменили базу?

– Меня, товарищ лейтенант, немцы обнаружили, – ответил Николай виновато.

– Где?

– В Ключах.

– Та-а-ак... При каких обстоятельствах?

– Приказ я ваш нарушил... Из колхозного сада я...

– Ладно! Детали потом! Погоня была?

– След от них спрятал. До вечера по камышам ползал.

Киреев заметно повеселел.

– Легко, Николай, отделался. Могло быть и хуже! – проговорил он и подсел к нему. – Не вешай носа. Все будет хорошо, – и к остальным. – Ну, орелики! Животы от растительной пищи не вспухли еще? (Разведчики давно израсходовали НЗ – неприкосновенный запас – и питались щавелем да сухарями.) Держаться! К утру будем дома. Ночью дубовым перелеском пройдем до мельницы, а там – через Сож вплавь. На той стороне – наша дивизия. Сведения взяты у надежного человека, хозяина старой квартиры. Вы что?

Все молчали. Николай смотрел под ноги и сопел угрюмо.

– Случилось еще что-нибудь? – в голосе лейтенанта звучало недоумение.

– Выходит, что мы в одном месте побывали, – объяснил Николай. – Я к старику домику со стороны сада подбирался.

– Ну?

– Офицера там и... взял...

Отправляя Полянского, Киреев строго-настрого приказал ему ни в коем случае не обнаруживать себя, не соблазняться никакими трофеями. «Главное – разведать дорогу к своим, – говорил он. – Задача – нащупать слабое место в обороне противника и выбраться отсюда. Гитлеровцы пока и не подозревают, что у них в тылу блуждает наша группа... Разведаем дорогу, тогда и за „языком“ пожуем».

– Вы, старший сержант, нарушили боевой приказ и поставили под угрозу всю группу, – посерьезнел Киреев. – У старика я взял сведения о силах противника и договорился с ним о дальнейшей разведке, которую ему легче проводить, чем нам. Теперь старика, конечно, немцы заподозрят и, может быть, расстреляют. Вот что вы наделали! По возвращении в дивизию я буду ходатайствовать о самом строгом для вас взыскании. Поняли?

– Так точно, товарищ лейтенант!

– Вещи у офицера взяли? Какие?

– Полевую сумку с документами, несколько писем... пистолет...

– Дайте сюда!

– Карту с подробной схемой нашей обороны у фашиста в сумке обнаружили, – поспешно сообщил Демьян Федотов, надеясь успокоить командира и хоть немного умалить вину товарища.

Было темно, и Киреев склонился над картой, почти уткнулся в нее, чтобы получше разглядеть карандашные пометки, условные обозначения.

– Да, здесь есть над чем поломать голову.

– Узнать бы, товарищ лейтенант, как фашисты заполучили сведения. Схема – точнее не найдешь! – опять вставил Демьян.

– В дивизии разберутся! – лейтенант сложил и спрятал карту в полевую сумку. – Надо немедленно уходить. Осмотрите, все ли в порядке.

Густые сумерки окутали землю. Повеяло прохладой. С полей ветерок донес пряные запахи цветов и трав. В орешнике робко щелкнул, а затем рассыпал звучные трели соловей. В такие ночи не по вражеским тылам плутать, а под голосистую гармошку тревожить задушевными песнями сердца девчат или водить за околицей сонного села хороводы.

Миновали молодой дубнячок. Слева и справа слышались приглушенные голоса бодрствующих в окопах немцев.

Разведчики шли друг за другом, след в след. В руках – автоматы. Нервы напряжены до предела: легкий шорох под ногой – и пятерка цепенела. «Тик-так, тик-так, тик-так». Это часы на руке лейтенанта отсчитывали томительные секунды.

В темное небо гигантской занозой взвилась ракета и осветила передний край противника, реку и темный берег той, родной стороны. Разведчики припали к земле, срослись с нею. Ракета погасла. Вперед! Сердца колотились отчаянно.

У реки – пустая траншея, две линии «спирали Бруно». Дальше – камыши. Наконец-то!

– Полянский, – шепотом позвал лейтенант, приспосабливая поверх пилотки полевую сумку – единственный трофей затянувшегося поиска. – Вы плывете за мной. Замыкающим – Федотов.

Неслышно плещется вода. Камыши кончились. Тишина. Но кто поручится, что именно в эту минуту десятки глаз не следят за разведчиками, что какой-нибудь вражеский офицер не поднял ракетницу над головой, чтобы дать сигнал к нападению? Лунная дорожка пролегла по речной глади до противоположного берега. Дно выскользнуло из-под ног. Стремительная струя подхватила смельчаков и вынесла к песчаной косе. В небе повисла новая ракета.

Позади запоздало забился неистовой дрожью крупнокалиберный пулемет. Тотчас ему ответил веселый баритон «Максима»: «Та-та-та-та-та...»

Киреев первым выбрался на травянистый берег и, когда подтянулась группа, ползком двинулся к смутно выступающим из темноты кустарникам.

– Ханде хох! – акающий голос раздался где-то совсем рядом. Клацнул затвор винтовки. Но и в грубом окрике, и в грозном щелчке металла было столько родного, бесконечно близкого и радостного, что Демьян Федотов не сдержал шуток:

– Здорово, Пенза! Эх ты, «Ханде хох!».

– Неужто свои?

– Разведчики! – отозвался Киреев.

– Пароль?

– Не так давно был «Днепр», а сейчас...

– Стой, – последовало короткое, но властное распоряжение невидимого часового. – Ни с места! А не то дырок в теле напровертываю... Эй, отделенный! Тут какие-то через речку переправились. Слышь, отделенный?

– Мы дивизионная разведка! – негромко сказал Киреев. – Я командир взвода. Это чей полк? Не Бухарцева?

– У тещи своей спроси! Лежите – и чтоб ни пальцем! Стрельбу подниму, всех поснимаю. Эй, отделенный! – и после непродолжительной паузы. – Это вы, товарищ командир роты? Разрешите доложить! Я тут в травке неизвестных прижал. С той стороны до нас вплавь перебрались. Пароля не знают, а по разговорам будто свои. Я за ними давненько приглядываю...

– Кто такие? – спросил командир.

– Дивизионная разведка! Фомичев, ты что ли? Здорово!

– Киреев! Привет, чертушка! А мы-то, признаться, не ждали... Правда, дивизия предупреждала, что не исключена возможность... В общем, похоронили вас всех.

– Рано, выходит.

– Рано? Тут, брат, свистопляска была под Ключами такая, что... Ну, да в штабе лучше меня расскажут. Давайте сюда!

Мокрые, перепачканные песком и глиной разведчики проворно скатились в траншею. Николай обнял низкорослого бородатого пехотинца и от избытка чувств так стиснул его, что тот взмолился:

– Пусти, леший. Слышь, пусти! – он болтал ногами, которые путались в длинных полах шинели. – Пусти, говорю! Раздавишь ведь!

– Твой «Ханде хох», – смеясь, выговаривал солдату Федотов, – для нас как пасхальный благовест был. Не знаю, поймут ли тебя немцы, а я сразу понял... угощай-ка, братец, табаком!

Поглаживая ноющие от объятий бока, пехотинец пустил в Николая смешком:

– Должно, девчата тебя сторонкой обходят.

– Что так? – не улавливая подвоха, поинтересовался Полянский.

– Разыграются страсти, прижмешь и... душа в рай! Так-то. А насчет диалекту, – добавил он, полуобернувшись к Федотову, – у нас международные понятия имеются. «Ханде хох!» – это вроде присказки, приголубки. Дале я бы разъяснил, – и бородач вернул такое словцо, что все охнули.

– Силен, силен! – одобрил Демьян.

Пехотинец с достоинством вытащил из кармана замысловатую табакерку с каким-то рыцарским гербом на крышке и тряпичный кисет.

– Выбирай, что любо.

– Предпочитаю сорт «самкраше», – оживился Демьян, протягивая руку за кисетом, – фабрика Вятка, от бани третья грядка. Не ошибся?

– Угадал.

Закурили. Сторожко замигали в траншее огоньки сигарок. Запахло крепкой махоркой. Николай смотрел, как, зажав самокрутки в ладонях, жадно затягивались друзья, прислушиваясь к сонному плеску реки, к шелесту погруженных в ночь деревьев, и тревожно думал: «Киреев настоит, чтобы меня наказали по всей строгости. Может, из разведки даже отчислят. Командир кругом прав. И стоило мне связываться с этим обер-лейтенантом... Куда я пойду от своих товарищей?»

Одна за другой меркли звезды. На востоке расплывалась бледно-розовая полоса зари. Ночь будто выцвела разом. Ветер обдувал мокрую одежду. Стало холодно. Щедрый пехотинец, проникнувшийся за время короткой беседы глубочайшим уважением к разведчикам и почему-то именовавший Николая «землячком», принес еще одну «жертву». Глядя из-под косматых бровей на посиневшие от холода лица, со вздохом достал из вещевого мешка плоскую алюминиевую флягу и взболтнул ее над ухом.

– Для сугрева, – сказал он, звучно глотая вдруг набежавшую слюну. – Налью вам по махонькой. Держи кто кружку!

Выпили. Свернули еще по сигарке. Согрелись и заговорили.

От командира роты возвратился Киреев. Он был возбужден, радостен. Разведчики поднялись, притушили самокрутки.

– Федотов!

Демьян подошел к лейтенанту. Киреев был ничуть не ниже Федотова, но широкие плечи скрадывали его рост. Лицо, не по возрасту юное, уже носило на себе отпечаток суровой профессии разведчика. Рот с едва пробивающимся пушком на верхней губе очерчивали две глубокие складки. Едва различимая на темной от загара коже сетка морщинок приютилась у глаз. На туго обтянутых скулах обозначились твердые бугорки мышц.

Не глядя на Демьяна, Киреев приказал:

– Едем в штаб! Обезоружьте Полянского: он арестован.

Николай вручил Федотову автомат, отцепил и передал гранатные сумки.

– А кинжала нет, – с грустью объяснил он, поглаживая пустые ножны. – Оставил за рекой, в проводнике той проклятушей собаки, – и, не дожидаясь приглашения, первым легко выпрыгнул из окопа.

Бородатый пехотинец, обескураженный непонятым и внезапным арестом землячка, недоуменно махнул ему рукой и, как бы устыдившись своей робости, приподнялся над бруствером, крикнул вдогонку:

– До встречи, земляк! И вы, братки, в гости захаживайте! Приведется быть в нашей роте, спрашивайте Коробова!

Шофер генерала Бурова, заметив разведчиков, тормознул так лихо, что юркий «виллис» метров семь скользил «юзом» с намертво застопоренными колесами.

– Велено домчать! – сообщил он Кирееву. – Прошу!

Зарычал мотор. Заохали дорожные выбоины и ухабы под рубчатыми шинами. «Виллис» влетел на изрытый снарядами воронками холм. В низине открылось небольшое село. Оно было мирным, это село. Белые мазанки, сады, колодезные журавли, редкие сизые дымки над крышами... Неужели война прогремела где-то рядом? Нет, она побывала и здесь, оставив груды обугленных бревен, выжженные, исковерканные металлом сады, голые печные трубы.

Возле околицы группу встретил командир дивизионной разведки капитан Мигунов. Отмахнувшись от рапорта, он по-дружески обнял каждого.

– Воскресли, а? Воскресли! – скуластое, узкоглазое лицо его излучало радость. На темных ресницах поблескивала подозрительная влага, но Мигунов не смущался. – Знал ведь я, черт вас дери, что воскреснете! Семененко! Куда ты делся, Семененко!

Из-за спины Мигунова вынырнул долговязый Семененко, его ординарец. Молодцевато вытянулся, щелкнул каблуками.

– Слушай, Семененко! Проводишь героев ко мне в дом и скажешь старшине, чтоб угостил их как подобает! Уяснил?

– Так точно, товарищ капитан! Чую!

– «Чую, чую». Двигайтесь, хлопцы! А нам с тобой, Киреев, к генералу идти. Приказал сразу. Поделись, что за карту ты там раздобыл?

Лейтенант протянул Мигунову трофейную полевую сумку и доложил:

– Вот сумка с документами! Захватил ее у гитлеровского офицера старший сержант Полянский. Товарищ капитан, прошу взять Полянского под арест, – голос Киреева был глухим. Глаза колюче смотрели на внезапно помрачневшее лицо ротного командира. – Старший сержант должен понести наказание за самовольство!

Мигунов поморщился. На расспросы и раздумье не было времени: офицеров ждал командив.

– Передай приказ старшине, – кивнул капитан ординарцу. – До разбора дела взять старшего сержанта под стражу. Только пусть покормят сначала.

Разведчики, сопровождаемые разговорчивым Семененко, направились в расположение роты, а офицеры сели в машину и покатали к штабу дивизии.

На крыльце единственного в селе каменного дома под черепичной крышей Киреев еще издали увидел среди офицеров штаба высокую, чуть сутуловатую фигуру генерала в накинутой на плечи шинели. Буков приветливо улыбался.

– Говорил, что тебя как командарма ждут! – Мигунов толкнул Киреева в спину: – Все начальство в сборе.

«Виллис» на полном ходу замер у крыльца, будто вмерз в землю. Буков сбежал по ступеням, распахнул дверцу машины и пробасил добродушно:

– Чего же это ты, разведчик? Жду тебя целый час... Чай на столе остынет. Пойдем, пойдем. Допрашивать стану с пристрастием. Готов?

Беседовали по-домашнему. Киреев, мелкими глотками отхлебывая из стакана крепко заваренный горячий чай, рассказывал подробности вынужденного рейда от начала поиска и до встречи с Фомичевым. Буров слушал внимательно. Чай его давным-давно остыл, но он и не прикоснулся к нему. Начальник штаба дивизии, тучный полковник Локтионов на свободном конце широкого стола разложил карту и, прижимая ее, водил самодельной указкой по пунктам, которые перечислял разведчик. Генерал, поигрывая чайной ложкой, следил за тем, как острие указки легко перескакивает речки, ручьи, болота, овраги. Когда Киреев закончил сообщение, он заметил:

– Плохо, лейтенант, очень плохо! Ты упустил возможность разведать ближние тылы и расположение сил противника. Надо было до конца использовать этот исключительный случай, проявить инициативу. А теперь через день – два придется снова идти в разведку. Дорогу-то запомнил?

– На всю жизнь, товарищ генерал... Мой помощник, старший сержант Полянский, нарушил приказ и обнаружил себя. Это едва не кончилось трагически для группы.

– «Едва» и «чуть» на войне в счет не принимаются. Если бы ваш помощник не отважился напасть на обер-лейтенанта, – возразил полковник Локтионов, поглядывая на генерала, – вы, Киреев, пришли бы с пустыми руками. Отсюда – выводы...

– Не торопитесь с выводами, – Буров отодвинул подальше стакан с нетронутым чаем и закурил папиросу. – Полянский – хороший разведчик.

– Лучший в роте! – подтвердил капитан Мигунов.

– Вот-вот! Но дисциплину нарушать, анархию разводить в боевом подразделении не дозволяется никому...

– Извините, товарищ генерал!... Я решительно настаиваю на самом суровом наказании Полянского! Тем более, что захватил он обер-лейтенанта у домика старика, который информировал меня о расположении в Ключах гитлеровцев и должен собрать новые сведения.

– И ты, лейтенант, в крайность ударяешься. Нашему старику никто не угрожает. Гнались-то за Полянским. Знаешь, как в народе-то говорят? Мудрено голову приставить, не мудрено ее срубить, – Буров скрипнул стулом, расстегнул крючки стоячего воротника и повернулся к Локтионову. – Дай-ка сюда трофеи, – он вытряхнул содержимое сумки на стол и взял первую попавшуюся на глаза книжечку в коричневых корках. – Ага! Удостоверение! «Обер-лейтенант Отто Руттер, работник секретного отдела разведки девятой армии...» Птица важнецкая! Этот дрозд, пожалуй, стоил риска! Бумаги... Письма... Карта! – генерал развернул сложенную гармошкой километровку и склонился над ней. – Сергей Петрович! А ну-ка взгляни! Здесь же нанесена система нашей обороны под Ключами! Ну да, она самая!

Полковник Локтионов долго всматривался в карту, потом растерянно обернулся к командиру. На лице его с крупным широким носом и множеством синих пороховых точек, засевших под смуглой кожей еще в гражданскую, выступила испарина.

– Поразительно точная схема, – наконец проговорил он. – Можно подумать, что ее скопировали в нашем штабе.

Буров насупился и отрывисто сказал, обращаясь к Мигунову и Кирееву:

– Идите! В двадцать два ноль-ноль пришлите Полянского. Его из-под ареста освободить!

Когда офицеры вышли, генерал еще долго изучал карту обер-лейтенанта. Локтионов принес штабную схему расположения войск под Ключами перед неудачной операцией. Стали сличать одно с другим и убедились, что трофейная карта – идеальная копия штабной. Буров разволновался, угрюмо походил из угла в угол и, остановившись у окна, резко распахнул его. Свежий ветер, отдувая белые холщовые занавески, ворвался в комнату, взъерошил седые волосы генерала, зашелестел бумагами.

– Сергей Петрович! – Буров повернулся к полковнику. – Чем ты объяснишь столь странное сходство?

Локтионов пожал плечами:

– Даже произносить боюсь.

– Что? Страшно?

– Буду рассуждать, Валериан Владимирович. На карте немца нанесены подробнейшие данные о расположении наших частей и огневых средств перед прошлой операцией. Как они могли раздобыть эти данные? Допустим, что был использован метод «засечек». По огневым точкам он приемлем. Но дислокация резервов. Здесь налицо...

– ...шпионаж? – Буров грузно шагнул к столу. – Согласен! За последние два месяца проведено шесть крупных боев. В трех случаях из шести противнику почему-то удавалось с необыкновенной точностью вести артиллерийский обстрел наших позиций, направлять массированные удары авиации по наиболее важным узлам. Ты не станешь отрицать, что артиллеристы Любимова изобретают прямо-таки диковинные способы маскировки. Вчера мы с тобой целый час бродили по огневым первого дивизиона, чуть на стволы орудийные не наступали. Так? И все же, как только начинается артиллерийский обстрел перед крупной операцией, немцы первыми же залпами накрывают огневые позиции полка.

На пороге неслышно появился адъютант Бурова.

– Товарищ генерал! Из штаба армии прибыл майор Соколов!

– Не мог попозже, – проговорил Буров. – Как, Сергей Петрович, побеседуем? Тогда проси.

Майор Соколов держался свободно, говорил немного, но уверенно. Кажется, ничего особенного в нем не было: темные волосы с проседью, коричневые с едва уловимым светлым оттенком глаза, лицо без единой морщинки, и все же он сразу обращал на себя внимание...

Только четверо в дивизии – Буров, Локтионов, начальник политотдела полковник Дмитриенко и контрразведчик дивизии майор Шабалин – знали, что Соколов, назначенный на должность начальника оперативного отделения соединения вместо раненного под Ключами подполковника Стрельченко, выполняет в дивизии особое задание.

В кругу друзей

Известие о том, что разведчики вернулись, взбудоражило роту. Все радовались их возвращению, все хотели их увидеть, поздравить. К домику, где хозяйственный старшина Луценко устроил им «всепроднабовский пир», началось паломничество. Старшина, как мог, охранял покой прибывших. Он сидел на завалинке у крыльца и без лишних объяснений предлагал гостям «от ворот поворот». Но, как он ни ограждал разведчиков, им все-таки передали сердечное приглашение на солдатский пир-разговор.

Однако сами вернувшиеся были настроены иначе. В светлой горнице с низким потолком царила гнетущая тишина.

Николай, склонив над столом забинтованную голову, – в схватке собака поранила ему ногу, щеку и шею, – хандрил. Он не мог примириться с мыслью, что через несколько минут будет сидеть в пустом блиндаже под наблюдением часового, своего же товарища.

– Ты, Коля, держись, – успокаивал его Демьян. – Тот не солдат, кто на «губе» не сиживал!

– Мне «губа» ни к чему, – буркнул в ответ Николай, не поднимая головы, – солдат служить должен, а не отсиживаться на гауптвахте. Война ведь, а не мирное время.

– Держись! – Демьян оживился: раз Николай ответил, значит, отходит. – Приказ ты нарушил. Факт! Но и оберва важного прихлопнул. И правильно прихлопнул! Посуди, его рано или поздно мы... С таким балластом по тылам таскаться не станешь! А старика немцы не тронут. Они же видели тебя. Смотри веселей! Учти, если что, к самому генералу пойдем и потребуем, чтобы тебя освободили!

– Забастовку организуете, многолюдную демонстрацию проведете? Нет, Дема, в армии так не положено...

– Справедливость и в армии должна быть!

– Я в боевой обстановке приказ командира нарушил? Нарушил.

– Но документы захвачены. Важные документы! Плюс это?

– Командир взвода действует по уставу. Правда на его стороне.

– Душу солдатскую нельзя сбрасывать со счетов! – вспыхнул Демьян. – Надо так, чтобы заботы солдатские были и командирскими заботами, чтобы и радость была на всех, а не персонально – такому-то. Не верно, что ли? Помните лейтенанта Ситникова? Вот это был командир! С ним всегда на любое задание охотно шли; уважал он солдата, думать разрешал, инициативу проявлять. А этот все сам. Любит геройство индивидуальное показать.

– Может, верно поступает командир, – вставил Рыбаков, – с этими личными вылазками? Заметили? Как поиск, так «язык»...

– Язык – всегда язык, – философски изрек Семухин.

– Братцы! – воскликнул Демьян. – Фома заговорил! За два года фронтовой жизни второй раз голос его слышу! Попросим, братцы, его и о лейтенантовых удачах свои мысли высказать! Валяй, Фома, держи речь!

– Закинчуй крытыку, – предупредил старшина, заглянув с улицы в окно. – Идуть!

Шоркнув подошвами сапог о разостланную возле порога тряпку, Мигунов и Киреев прошли к столу, сели. Лейтенант бросил на Николая неприязненный взгляд. Мигунов, напротив, улыбнулся:

– Приуныл, разведчик?

– Такая история...

– Прочувствовал? Добро, если прочувствовал... Наказание отменяется. Пойдешь к генералу на беседу ровно в двадцать два ноль-ноль. Быть в лучшем виде.

– Так точно, товарищ капитан! – вскакивая, молодцевато громыхнул Николай.

– Полегче, полегче! Стекла от воздушной волны повывают... Обрадовался... Поели? Тогда – отдыхать. Только вряд ли это вам удастся: там ребята давно митингуют, ждут не дождутся вас. Ну, идите, идите...

В просторной риге, пропитанной запахом прошлогодних снопов, было шумно, как в цыганском таборе. Брякали котелки. Крепкий табачный дым перемешивался с горьковатым дымком походной кухни, въехавшей прямо под крышу. И говор, и песни, и смех...

– Привет, невидимки! – останавливаясь в дверях и раскидывая как бы для объятий руки, выкрикнул Демьян.

– Пришли!

– Они! Ребята, они!

Улыбающиеся, радостные все бросились к разведчикам.

– Ни с места! – рявкнул Демьян страшным голосом и, когда первые ряды встречающих в недоумении остановились, спокойно предупредил. – Только не качать. Мы после обеда.

«Именинников» окружили. Всем хотелось как-то излить свои добрые товарищеские чувства. Одни старались через головы впереди стоящих дотянуться и похлопать по плечу каждого из «воскресших», другие предлагали им кисеты, трети, загадочно подмигивая и прищелкивая пальцами под подбородками, отзывали в сторону. Повар в белом колпаке, надетом прямо на пилотку, решительно закрыл кухню и объявил «шабаш».

– Сидоров, – обратился он к одному из своих постоянных клиентов, рослому парню, усердно работавшему алюминиевой ложкой. – Отрабатывай добавку: подбрось коню сена. Слушать будем. Кормление приостанавливается! Недовольные имеются? А голодные? Тоже нет. Вот и договорились.

Шум постепенно улегся. Демьян Федотов торжественно занял почетное место на перевернутом снаряжном ящике. Рядом, на охапках соломы, сидели его друзья. Демьян повел рассказ о скитании группы по тылам гитлеровцев. Говорил он, сдабривая речь шутками, украшая небылицами. Многие дивились, где и когда сумел сержант Федотов начинить свою удалую голову таким количеством басен. Начнет привирать – не остановишь. И, главное, знаешь, что несет человек околесицу, но подает он ее до того складно, будто по книге читает. Послушаешь, и сомнение берет: а может быть, все именно так и произошло?

Демьян начал рассказ о подвиге старшего сержанта Полянского издавна: как и все солдаты-фронтовики, любил он подтрунить над верным другом, подтрунить ради того, чтобы развеять у слушателей тоску по дому, разогнать мрачные думы, вызвать, наконец, улыбку. Друг не осудит, поймет.

– Братцы! Знаете ли вы, откуда у нашего Николая сила этакая взялась? – косясь на Полянского золотистыми плутоватыми глазами, спросил Демьян у притихших в ожидании захватывающей истории соседей. – Не знаете? Так-то. И не старайтесь дознаться. Дело, доложу я вам, это вроде нечистое. Получил старший сержант могучесть свою через обыкновенного теленка холмогорской породы, – Демьян сделал глубокую паузу и, заметив многозначительные улыбки, добавил. – Да, да. Нечего зубы скалить. Быль не сказка: из нее слова не выкинешь! Законным путем обрисую сейчас все это почтенному собранию... Есть, братцы, в Центральной Америке государство под названием Гватемала. Бывал ли кто-нибудь там? Бывал, спрашиваю? Жаль, жаль... Не интересуетесь вы, оказывается, земным шариком! А ведь вам на нем век жить придется! – Демьян вздохнул с укоризной и заключил. – Я, братцы, к сожалению, тоже там не был: не довелось. По службе я токарь-универсал. С той страной по роду занятий не соприкасался. А в гости ехать?... Домосед я по натуре. Так вот – площадь той Гватемалы на карте любого международного масштаба пуговицей прикрыть можно. Народу – на две дивизии с трудом наскребется. Но люди, надо сказать, работающие. Бананы они возделывают. Это стручки такие, вроде гороховых, а вкусом на дыню смахивают. Кофе и какао выращивают неизвестных мне сортов. Самая доходная статья у них, братцы, – сахарный тростник. Стебельками он к жаркому ихнему

солнцу тянется. Срежешь один такой пятиметровый стебелек, пососешь, и как будто сиропа сладкого напьешься. Американцы, наши-то союзники, прибрали Гватемалу к рукам, открыли в ней унитарную республику и меняют правителей, как, простите за выражение, фашисты нижнее белье после визита наших «Илов»...

– Демьян! А что такое унитарная? Мудрено больно. Растолкуй.

Разведчик отыскал глазами автора этого каверзного вопроса, почесал затылок и умолк. Что делать? Не ответить – потерять престиж, уронить марку. Соврать? – Есть вещи, где вымысел – преступление. Смуглое, подвижное лицо Демьяна с бойким завитком густых черных волос на лбу приняло выражение озабоченности. Помешкав, он собрался с духом и уверенно пояснил:

– Ты, Нишкамаев, политикой интересуешься, а простых вещей в толк взять не можешь. Надо каждое слово на слух проверять! Унитарная. Слышь, как звучит? Слышь? У-нитаз! Чуешь? Вот и смекай, какая это для трудового народа республика. Унитарная, понял? Богатеи жиреют, бедняки тощат. И потом ты, Вакула, не тревожь меня вопросами, не отвлекай! Один на один все неясности уладим. Итак, к чему я вам, братцы, рассказываю о Гватемале? К тому, чтобы сообщить, что Полянский родился не там, а в Забайкалье, местности, которую на карте самого мелкого масштаба и каской солдатской не закрыть. Вы, конечно, знаете где? Это на Байкале, справа от второго маяка, чуть левее соснового леса, возле речки Крутеи...

– Ближе к делу! – выкрикнул кто-то из задних рядов. – И чуток погромче!

– Эх, люди! Всякая побаска хороша с прикраской... Ладно, раз просите, я согласен! – Демьян махнул рукой. – Значит, в Забайкалье, по тем самым координатам, что я указал, жил наш Коля. На охоту ходил, омулей ловил, сено косил, хлеб убирал и так далее... А у Николаева отца, к вашему сведению, не то, что у сына, – цепкий хозяйский глаз: клочок сена не пропустит на дороге. Не верите? Спросите сами у старшего сержанта. Так ведь?

– Ходил и на охоту, и на ловлю омуля, и сено косил... – согласился Николай. Он, как и другие, с интересом слушал рассказ.

– Видите? – обрадовался Демьян. – Коля подтверждает, что не в Гватемале родился! У меня в любом деле истина впереди. Я, братцы...

– Люблю трепаться! Ведь брехать – не штыком махать, – закончил кто-то.

– Не баловал отец сына, – поспешил продолжить Демьян, – приучал сызмальства к труду. Дом у Полянских, что энпэ у артиллеристов резерва главного командования – настоящая крепость из лиственницы. Неподалеку ручеек по камушкам прыгает, эта самая Крутея. Взамен моста через нее две жердочки перекинута. На том берегу лужок зеленеет. Трава сочная, свежая. В тот год у Полянских в хозяйстве прибавка произошла: корова отелилась. Отпоили телка молоком положенный срок, отец и говорит: «Кажись, хватит скоту молоко стравлять, на природный рацион переводить надо. Перенеси-ка, Никола, телка на тот берег, пусти в лужок». Бате перечить не станешь. Взял сын бычка на руки, приподнял – и на ту сторону, по жердочкам, топ, топ, топ... Неделя проходит, парень бычка, как дитяню, туда и обратно доставляет. Вторая неделя воскресенье показала – то же самое. Третья...

– Но-но, – запротестовали слушатели. – Сбавь, Демьян: много!

– Выверено! Дни там, братцы, проходят, что у нас в обороне. Три раза откушал, переспал, и сутки как корова языком слизнула. Живет Коля – не тужит. Все идет хорошо. Да стал он вдруг подмечать, что с переправой нелады – прогибаются жерди до самого потока, аж подошвы струей смачивает. «С чего бы случилось такое, думает, никак дерево пожижело от старости? Как бы не треснуло посередине, прах его возьми! Надо покрепче, однако, переправу навести». От слов до дела минута не пролетела. Но видит Коля, что и новый настил в дугу превращается. Ломает он голову над неразрешимостью вопроса... Недель этак с десять прошло, – ей-ей, не брешу! – выглянул Коляготец на зады по надобности, смотрит, – мать честная! – какой-то детина, не то сдурю, не то со злым умыслом, быка на себе через Крутею тянет. Мост под ним

прогибается, а он хоть бы хны! Скотина, видать, тоже привыкла к подобному обхождению, не брыкается, не ревет. Замечает старик, парень вроде знакомый. И скотину признал. Затряслась под папашей земля, как при артподготовке, ноги подкосились. Пал он на траву. «Бросай, кричит, животную с плеч, такой-сякой! Напугаешь, пропадет скотина! Сам грызть заработать можешь!» А старший сержант, братцы, и ухом не ведет. Перетащил быка в лужок, вернулся к родителю и говорит: «Незачем, батя, кровь волновать. Мы теперь к бычку привыкшие. Надо было, батя, прежде глядеть, в какое дело сына втравляете...»

Конец истории утонул в дружном хохоте.

– Вот черт!

– Ну и ну!

– Складно у тебя, Дема, выходит, – широко улыбаясь, заметил Николай и дружески хлопнул Федотова по шее ладонью так, что тот присел. – Но есть и неточности. Не бычок то был, а телушка...

– Только-то? – с деланным изумлением, под новый раскат смеха осведомился Демьян.

– В старших сержантах я тогда еще тоже не значился.

– Винюсь! Это промашка. Тут уж ничего не попишешь... – Демьян вдруг потянулся и сладко зевнул, показывая, что устал и не прочь отдохнуть после пережитых треволнений. На самом же деле он желал, чтобы его попросили продолжить рассказ. Ход был рассчитан правильно, отовсюду посыпались настойчивые просьбы, а вслед за ними упреки:

– Не тяни!

– А дальше?

Демьян упрямо отнекивался.

– Нашли кого упрашивать! – выкрикнул звонко Нишкомаев. – Ломается! Неужели не знаете? Его хлебом не корми, дай поболтать. Всю ночь проворочается, коли до конца не выговорится. Он еще нас упрашивать должен, чтобы не расходились...

– Ой ли?

– Что, нет? Расходитесь, ребята!

Все зашевелились. Кое-кто встал.

– Но, но... – Демьян поднял руку. – Сидите. И пошутить нельзя. Не понимаете вы душевных тонкостей человека. Разведчики должны характер каждого встречного по голосу определять. Ну, будь по-вашему, слушайте дальше!..

Поведав о мытарствах группы за линией фронта, Демьян попросил обрисовать подробнее неудачный бой под Ключами.

А было под Ключами, как рассказал вернувшимся разведчикам старшина Луценко, вот что.

На вторые сутки после ухода группы Киреева в поиск погода разгулялась. Ночью звезды бисером высыпали на темный небосклон. Подул ветерок и угнал остатки облаков к востоку. Солнце выглянуло рано. По ложине, где проходила нейтральная полоса, расползлся молочный туман. Густея, он поднимался все выше и выше, плотной пеленой окутывая траншеи, ослепляя наблюдателей. Часов около семи в небе показались «юнкерсы». Шли они на большой высоте и поэтому не вызвали у командования особой тревоги. Но, зайдя со стороны солнца, головная машина вдруг качнула плоскостями и, клюнув носом, нырнула в пике. За ней дружно ринулись к земле и остальные самолеты. Нудно завывали сирены. Бомбы с противным воем посыпались на передний край дивизии, на лесок, что простирался перед станцией.

Пехота сразу же «ушла в землю»: скрылась в траншеях и замерла в ожидании конца бомбежки. Артиллерии и тяжелым минометам было труднее. Бомбы так и кромсали огневые позиции. Одна из крупных фугасок разорвалась неподалеку от гаубичного артиллерийского полка. Столб земли, дыма и пламени взметнулся к небу. Лошади обезумели. Обрывая уздечки, они с диким ржанием и храпом устремились на огневые, под защиту людей. Енисей, статный, под-

жарый жеребец, наметом влетел прямо на артиллерийский НП. Командир первого дивизиона майор Сарычев, заметив своего скакуна, выбежал из подбрустверного блиндажа. Тонко, тревожно заржал Енисей, заметив хозяина, запрядал ушами и потянулся было к нему, но слепящий оскал разрыва вздыбил коня, опрокинул на землю. Крик, совсем не похожий на ржание, острой болью отозвался в сердце майора.

Солдаты, что находились рядом, видели, как дрогнули губы командира, как светлая капля прокатилась по его запорошенной пылью щеке.

Не успели «юнкеры» очистить небо, началась артподготовка. Орудия всех калибров били, не смолкая ни на секунду. Вражеские снаряды ложились густо, воронка в воронку...

– Мы з Нышкамаевым, – вспоминал старшина Луценко, – до блиндажа артыллеристив швыдэнь-ко заскочылы, щоб налит пересыдиты. Вбигли доных, а воны сыдять, як в гостях у тэщи, спокий-нэнько сыдять. Хлопэць один – Борис Великанов, з минометной батарэи... цэ в окулярах такой, сутуловатый... На вкругы зэмля вид снарядив рэвэ, аж стогин идэ, смэрт в вичи бийцам заглядав, а вин вирши власного твориння читае, и вси при-нишкли и уважно слушають його. Зроду я нэ чув таких сэрдэшных виршив. Прочитав бы, та не памятаю. Може, ты Нышкамаев? Як, Вакуло?

– Про сорок первый год, что ли?

– Оцэ вирно... Прочитай, а?

Нишкамаев с опаской скосил васильковые глаза на Демьяна: «Опять начнет распространяться про мою актерскую неполноценность, про искру божью... Ну, да шут с ним! Мне хуже не станет. А ребята послушают». Он откашлялся, постарался придать розовощекому простоватому лицу с реденькими белесыми бровками, о существовании которых можно было только догадываться, суровое выражение и проговорил:

– Буду со середины. Начало не помню.

– Вступление что надо, – откликнулся Демьян, – многие поэты стихи свои с конца начинают: лучше воспринимаются. А мой приятель Федька Селиванов даже собственную семейную жизнь только с середины помнит...

– Не мешай! – миролюбиво перебил Нишкамаев. – Ты сам, Демьян, говорил, что конфликты один на один разрешать надо. Слушайте, ребята:

У солдата не стальные нервы.
Воля есть, но слезы тоже есть.
Помнишь лето? Хмурый сорок первый.
Вой сирен. Штыков холодный блеск.
Горький дым негаснувших пожариц
День и ночь в одно перемешал...

Ты не прятал от друзей, товарищ,
Слез, когда к востоку отступал...
Проходил дорогами степными,
Городами, полными разлук...
Был тогда, как говорят, – «не климат»,
Все случилось как-то сразу, вдруг...
Высота сто три клубилась тучей.
Девять дней атак и контратак...
Мы на гребне, а под черной кручей
Нас кольцом охватывает враг...
Карабин. Патронов два десятка.
Корка хлеба и мешок тоски...

Сорок первый! Он прошел несладко.
Он осыпал инеем виски.
Он тебя в семнадцать лет заставил
Пережить за сотни лет вперед!
Он тебя унизил и прославил,
Сорок первый, самый трудный год!

Нишкамаев читал выразительно, и все притихли, слушая его. Когда он кончил, Семухин после глубокого молчания заметил:

– Ладные стихи... Лихо было в сорок первом. А поэзия – душевная.

– Слухайтэ, що дали було, – опять заговорил старшина Луценко. – Сыдымо мы, а в цэй час биля самого блиндажа як рванэ! Скло з виконця вылэ-тило, двэри зирвало, а з накатив зэмля посыпалась на головы. Мы выскочили – та в траншэи. А там...

...Снаряды, со свистом пронизывая глубокую и по-настоящему праздничную синеву майского неба, рвали горящую ковыльную степь. Но вот канонада смолкла, и появились фашистские штурмовики. Тени от них, мечущиеся по земле, были похожи на уродливые кресты. Штурмовики, «обработав» передний край, скрылись. Из отлогой балки тотчас же выползли вражеские танки. На полном газу двинулись они к нашим траншеям, стреляя с ходу.

Солдаты генерала Бурова дрались отчаянно. Они трижды поднимались в атаку и каждый раз откатывались назад. Комдив был вынужден бросить в бой последние резервы. Даже дивизионная разведка, которую он берег, была на переднем крае.

Атака за атакой следовали беспрестанно. Немцы наседали со всех сторон. Тяжелый танк и два бронетранспортера с автоматчиками прорвались к артиллерийскому НП первого дивизиона. Луценко с разведчиками, вычислители и корректировщики встретили врага огнем. Командир дивизиона майор Сарычев противотанковыми гранатами подбил «тигра» и поджег его. С бронетранспортерами расправились разведчики, раздобывшие где-то пэтээровское ружье. Но в конце концов фашистам удалось окружить овраг. Бой разгорался. Теперь он грохотал по фронту дивизии. Обороняющиеся делали все, чтобы вырваться из кольца. Во время одной из очередных атак противника погиб майор Сарычев. С гранатой в руке он выскочил на самую кромку оврага, но автоматная пуля угодила ему в сердце. Майор сорвался с обрыва, покатился по глинистому склону как раз к тому месту, где лежал Енисей. Граната в руке Сарычева разорвалась, смешав их кровь воедино...

Проигранный бой привлек к себе внимание весьма странными обстоятельствами: и бомбовый удар, штурм, и первый залп артиллерии фашистов накрыли наиболее важные узлы обороны дивизии Бурова, вывели из строя почти половину орудий, минометов и пулеметов.

Карта обер-лейтенанта Руттера подтверждала предположения командования: противник располагал точной схемой обороны дивизии. Но как он сумел заполучить секретные сведения?

Над этим и размышляли сейчас генерал Буров, полковник Локтионов и майор Соколов.

Генерал стоял у карты, развешанной во всю стену, и, оперируя схемами отдельных участков обороны, зачитывая короткие сообщения командиров полков и батальонов, подробно анализировал ход боя под станцией Ключи. Соколов слушал внимательно и время от времени делал короткие заметки в записной книжке, пристроив ее на колене.

– К оперативным документам, – заключил Буров, – доступ имеет узкий круг проверенных работников. Народ, я считаю, надежный. При самом придирчивом подходе к этим людям я не могу заподозрить ни одного из них.

– Да, но... – полковник Локтионов, волнуясь, достал платок и вытер потный лоб. – Но, – повторил он, – на карте Руттера нанесены данные, неизвестные ни штабу армии, ни штабу

корпуса. На ней помечены даже предполагавшиеся перемещения частей и подразделений до роты включительно.

– Прямых улик у нас нет!

– Карта обер-лейтенанта, – вмешался Соколов, – подтверждает имеющиеся у нас данные о том, что фашистский разведчик находится на вашем участке.

– Тогда создается чрезвычайно сложная обстановка, – сказал генерал, хмурясь. – Если враг действует в нашей дивизии, значит, мы скованы по рукам и ногам. Мы не сможем провести ни одного боя с уверенностью, что его план противнику неизвестен. Так?

– Именно! – полковник Локтионов выразительно посмотрел на Соколова. – Я думаю, следует договориться со штабом армии об отмене намеченного наступления или хотя бы получить отсрочку. Гитлеровцы, возможно, уже извещены о наших замыслах. Исход операции...

– Нет! Я просто не узнаю тебя, Сергей Петрович! «Отменить!» Отменять наступления не будем! Ключи должны быть в наших руках – таков приказ командования! – генерал опять беспокойно заходил по горнице. Под грузными шагами тонко поскрипывали половицы. Это раздражало генерала. Он морщился, но, нервничая, продолжал ходить, стараясь не ступать на скрипучие половицы. – Маленькая станция Ключи имеет для фронта слишком большое значение, Сергей Петрович! Мы должны внести некоторые коррективы в план, изменить время наступления. И вперед, вперед, вперед!.. А вы, майор, беритесь за дело, освободите нас от оборотня. Мы просим вас распутать этот клубок, и как можно скорей. Со своей стороны окажем любую, повторяю, лю-бу-ю поддержку!

– С этой целью я и прибыл к вам, товарищ генерал, – Соколов поднялся из-за стола. – На днях в дивизию приедет еще и полковник Силин. Он тоже идет по следу, как вы выразились, оборотня. Я думаю, что с задачей мы справимся.

Соколов стал перебирать рассыпанные по столу документы Отто Руттера, отложил карту, записную книжку, несколько писем в сторону и обратился к Локтионову:

– Вас, товарищ полковник, я прошу еще раз и повнимательнее проверить людей, связанных с особо секретной документацией: лишняя предосторожность в таких делах полезна.

– Хорошо, – буркнул, не глядя на майора, Локтионов. – Я это сделаю, но в полезности сомневаюсь.

– Надо с чего-то начинать, – мягко заметил Соколов. – И еще просьба. Можно побеседовать с разведчиком, захватившим эти бумаги? С ним я хотел бы встретиться наедине, чтобы не вызывать лишних разговоров.

– Полянский будет у меня в двадцать два часа, – ответил Буров. – Жду и вас к этому времени.

От комдива Соколов зашел в оперативное отделение. Капитан Сальский, помощник начальника отделения, встретил майора коротким рапортом. Пока Сальский рапортовал, Соколов разглядывал его. Высокий, стройный помощник понравился ему: было в нем что-то располагающее к себе.

– Сегодня я не стану отвлекать вас от работы, – сказал майор. – Подробно с делами ознакомлюсь завтра. Сейчас думаю прогуляться, осмотреть село...

– Никаких достопримечательностей! – заметил Сальский. – Километрах в полутора есть живописный овраг и... пожалуй, и все!

– Вот видите! – Соколов шагнул к порогу и толкнул дверь. – Овраг – это уже достопримечательность.

По тихим улочкам села он вышел за околицу в расположение разведроты. Майор не собирався навещать разведчиков, но, попав к ним, решил остаться. В риге было шумно: Демьян по просьбе слушателей рассказывал о встрече Полянского с обер-лейтенантом. Соколов незаметно пробрался поближе к импровизированной эстраде, на которой восседал рассказчик, и примостился среди солдат.

– Идет, братцы, этот самый обер, посвистывает, – Демьян придал своему лицу подобающее выражение и сложил губы трубочкой, – посвистывает и тросточкой поигрывает, туда-сюда, туда-сюда ее покидывает. Тросточка у обера была не то чтобы очень. Вроде той, какие у нас в Крыму на курортах до войны продавали. Узоры по дереву разные, цветочки, бутончики, ягодки и так далее... Николай звероподобно в лопухах за плетнем затаился и ни гу-гу... фашист зырк глазами в одну из щелок в плетне. Блестит что-то. Решил рукой это что-то потрогать. Только пятерню протянул, а из лопухов... Кто бы вы думали? Наш Николай! Поднялся во весь свой рост и говорит оберу: «Стой, миляга! Труса не празднуй! Худа не сделаю, если молчать будешь!» Тот так и присел от избытка чувств. Правой рукой кобуру царапает, а левой мелкие крестики на лоб кидает: «Майн готт. Мы-де не знакомы. Я-де вас впервые вижу!» Ну, чтобы рассеять заблуждения, Коля выскочил из укрытия, описал кулаком перед носом у обера три полные окружности. «Молчи, говорит, и не вздумай богу душу отдавать. Сколько я на тебя сил ухлопал, жизненных калорий затратил! Совесть иметь надо!» Тот, конечно, в амбицию: «Не к лицу мне – офицеру фюрера...» Вы понимаете, что Коле в тот момент было не до прений. Дискуссию он разводить не стал, а размахнулся и стукнул его, так себе стукнул – легонько...

– А обер? – спросил кто-то, явно захваченный рассказом.

– Э-э-э, да что обер! – Демьян сплюнул под ноги. – Он всех рефлексов от страха лишился. И не мудрено: такая махина перед ним словно из-под земли выросла. И кулаки к тому же... Кулаки-то у Коли – крупней и увесистей кузнечных кувалд... В общем, случилось то, что должно было случиться. Ну, а потом фашисты нашего помкомвзвода по неопытности, словно рядового зайца, решили собаками выследить. Обиделся Коля на это – страх как! Чего улыбаетесь? Вы бы на это не обиделись, да? Обиделись бы! Николай тоже рассердился. «Ах, так! Ладно же». И с великой злости стал он такие фортели выкидывать, что фашисты с ног посбились. Рыщут и по камышам, и по протокам, и по орешнику, а следа взять не могут. К небольшой группе автоматчиков Коля сам на смотр вышел. Те были так очарованы его бравым видом, что на месте остались. Правда, самый беспокойный из покойных хотел было сделать в Колиной голове небольшое отверстие, но... забайкальская косточка, братцы, – броня: не пробивает ее пистолетная пуля, плющится. В общем, притопал старший сержант к нам в глухую балку здоровехонек и говорит: «Нет ли, ребята, чего-нибудь перекусить? Умаялся я!»

– Я не просил есть! – возразил Николай. – А устать устал здорово!

– Устал? Так я ж и говорю, что устал! – подхватил Демьян. – У меня истина всегда на первом месте!

– Чего же ты тогда насчет еды треплешься?

– Это, Коля, литературный ход...

Разведчики пересмеивались.

«Прием» был закончен. Кое-кто уже поднялся и стал пробираться к выходу. Виктор Рыбаков взял в руки баян и, пробежав пальцами по ладам, заиграл «Коптилку». Очарованные мелодией, разведчики притихли. Демьян, тряхнув чубатой головой, предложил, обращаясь ко всем:

– Спойем!

Он взмахнул рукой, и разведчики, вторя баяну, запели:

Коптилка, коптилка! Чего ты мигаешь?
И так в блиндаже полумрак и тоска.
Пойми ты, коптилка, что мы ожидаем
Из дальнего, вражьего тыла дружка.

Песня навевала воспоминания о былых вылазках за передний край, о друзьях-товарищах, которые когда-то в таком же, как этот, кругу любили послушать и спеть добрую песню.

За общим столом его место пустует,
Девичье письмо без ответа лежит:
Наверно, любовь его ждет и тоскует,
О счастье мечтает и верность сулит.

Соколов, послушав грустную песню, незаметно покинул ригу. Несколько дней назад здесь, под Ключами, погиб его старый друг – командир артиллерийского дивизиона майор Сарычев! «Колька Сарычев! Губастый, обидчивый Колька! Фантазер-математик! Признаюсь тебе, я не верил, что из кандидата наук получится геройский пушкарь-бомбардир...» Майор достал папиросу, долго разыскивал по карманам затерявшиеся спички и, прикурив, сел на невысокий бугор с выгоревшей на солнце колючей травой. «Колька! Колька! За общим столом победы твое место будет пустовать... Но прибор твой будет всю жизнь стоять рядом с моим и в праздники, и в будни. В этом клянусь тебе, Николай, твердо!»

С шахматной доской под мышкой, легким подпрыгивающим шагом к домику – штаб-квартире Мигунова – приближался капитан Сальский. Крутой, не тронутый загаром лоб, тонкий с горбинкой нос, темные выразительные глаза. «Помощник у меня симпатичен, – опять подумал Соколов, – и, очевидно, толковый...»

Сальский привычно перескочил палисадник, раздвинул на подоконнике горшки с цветами, просунул голову в хату и крикнул:

– Живы ли в этом тереме хозяева? Откликнись, Киреев! Жажду с тобой партейку сгонять, пока спешной работы нет! Кроме всего прочего, интересуюсь похождениями чудо-богатырей во вражеском тылу. Расскажешь?

– Хозе Рауль Капабланка! – приветствовал гостя Мигунов. – Заходи, попотчuem!

– Могу, только в принудительном порядке! – отшутился Сальский. – На посиделки вечером приглашают, а в полдень только разведчики да, пожалуй, еще шоферы пьют. Жарища, что в Сахаре.

– Ты все по «шахам» и «матам»?

– Умственная физкультура. Для военных – обязательный предмет. Благодарить меня должен за то, что у твоих разведчиков интеллект развиваю. Как смотришь на мое предложение, Киреев?

– Горю желанием!

– Тогда выходи. Вот здесь, на травке в тени, и подеремся.

Шахматисты, разостлав под кустами смородины плащ-палатку, разлеглись с удовольствием, расставили фигуры. Сальский вытащил из планшета два листа бумаги, остро заточенные карандаши.

– Проведем игру по всем правилам. Твердо решил подготовить из тебя шахматиста-разрядника. Шахматная игра для офицера – это и стратегия, и тактика одновременно. Так что, Киреев, бери бумагу, карандаш и учись вести запись. А, В, С, Д, Е... Надеюсь, тебе латинский знаком?

К шахматистам подсел Мигунов, раскурил трубку и стал следить за игрой, вставляя иногда замечания.

– Берегись, лейтенант! – предупредил Сальский, выдвигая вперед ферзя. – Гроссмейстер готовит мат!

– Готовить – это еще не поставить! – парировал Киреев. – Вы решили вывести ферзя на С6? Превосходно! А мы ответим контрнаступлением по левому флангу. Как тогда? Ого! Обе ладьи сосредоточиваются в квадратах В5, С6... Неплохо задумано!

– Головы! – восхищался Мигунов, аппетитно попыхивая трубкой. – Надо выкроить время, обучиться этой премудрости. Возьмешь, Киреев, в ученики?

– С превеликим удовольствием! – не отрываясь от доски, проговорил Киреев. – Своего командира берусь обучить ускоренными темпами в порядке закамуфлированного подхалимажа...

– Брось ты это.

К палисаднику подошел Соколов. Остановился, удобно облокотившись на крашенный штакетник.

– Товарищ майор! Проходите сюда! – пригласил Сальский. – Поболеее вместе с капитаном Мигуновым.

– Поболеть я не прочь! А спервоначала познакомиться надо.

– Болельщик, как я вам уже говорил, – командир дивизионных разведчиков капитан Мигунов, – сказал Сальский. – А мой противник – разведчик. Лейтенант Киреев. Предводитель той самой легендарной группы чудо-богатырей, которая сегодня из вражьего тыла вернулась.

Соколов протянул Кирееву руку. Лейтенант крепко пожал ее и сказал:

– Жаль Стрельченко. Он был боевым командиром и дельным начальником. Надеемся, товарищ майор, что вы продолжите славные традиции подполковника. Мы, разведчики, были у Стрельченко не последними людьми...

– Киреев, ты неисправим! – бросил Мигунов. – Товарищ майор всего день в дивизии...

– Я от чистого сердца! И, коли говорить по совести, начальник оперативного отделения имеет ко мне лишь косвенное отношение...

Игра обострилась. Делая какой-то замысловатый ход, Сальский спросил совета у Соколова. Тот взглянул на расположение фигур и пожал плечами:

– Разбираюсь я в этих вещах, капитан, прямо-таки неважно. Единственный шахматный термин, прочно застрявший у меня в голове, – ход E2-E4. Прочитал как-то в «Двенадцати стульях» про известного всем Остапа Бендера...

– Великого комбинатора, – дополнил Мигунов. – А жаль, товарищ майор, что мы не на уровне оказались. Сейчас бы в две доски!

Киреев старательно записывал каждый ход. Сальский играл уверенно и смело. Атаку пешек сопровождал остроумными шутками, а выводя на линию атаки ладью или еще какую-нибудь фигуру, замечал:

– Этот ход, Киреев, будет иметь особые последствия. Он должен выглядеть в записи отлично от других. Отметь его восклицательным знаком, нет, пожалуй, поставь два восклицательных!

– Разве это сильнейший ход? Не лучше ли вместо восклицательных поставить вопросительные? – отвечал на это Киреев и добавил. – Короля-то твоего в центр загнал.

– Подожди, не торопись. Мой шахматный генерал личным примером увлекает воинство, – рассудительно отвечал капитан, берясь за коня. – Видишь? Сейчас генерал на этом коне, как Чапаев, поведет войско в атаку. Личный пример, лейтенант, – основа в любой баталии...

О скитаниях разведчиков, об их тревогах, о поисках дороги из фашистского тыла Киреев рассказывал неохотно и скупо.

– Многое пришлось испытать! Трудно было найти слабое место во вражеской обороне, нащупать стыки между частями.

В последний день Полянский, мой помощник, решил пленить офицера. Полянского обнаружили. Едва успел уйти... Я до сих пор считаю, что сержанта надо было наказать и строго наказать! Генерал зря отменил мое распоряжение...

– Ты его, Киреев, сам отменил, – вмешался Мигунов.

– Под давлением генерала...

– Полянский – лучший разведчик, – начал объяснять Мигунов, выколачивая трубку о каблук сапога. – Таежник, следопыт. Он и на медведя с кинжалом хаживал! И потом, почему ты говоришь «пленить решил»? Полянский взял офицера. Документы важные раздобыл...

– Это так, – согласился Киреев. – Но ты не станешь отрицать, что за нарушение приказа в боевых условиях, особенно в разведке, когда из-за необдуманного поступка могут погибнуть люди, отдают под суд военного трибунала. Не так ли? Я считаю, что всякая мягкосердечность сказывается на дисциплине, разбалтывает солдат и подрывает авторитет командира... Генерал...

– Приказы старших не обсуждают, а выполняют, – вмешался Сальский, завершая комбинацию. – Киреев, я делаю «шах». Партию ты проиграл. Соппротивление бессмысленно!

– Сдаюсь! Разбит в пух и прах. Еще одну?

– Нет. Отдыхай до вечера. Вечером, если хочешь, еще сразимся.

Капитан сложил фигуры в коробку, встал, простился со всеми и направился в сторону штаба дивизии. Соколов, любезно отклонив приглашение командира роты разведчиков Мигунова зайти к нему закусить, постоял в тени еще немного, докурил папиросу и медленно зашагал вслед за Сальским.

Кинжал разведчика

Дивизия генерала Букова готовилась к бою. В лощинах, оврагах, рощах сосредоточивались артиллерия, моторизованные подразделения. Ночами на исходных позициях маскировались танки, гвардейские минометы. Наблюдатели, не смыкая глаз, следили за противником, нанося на карты обнаруженные огневые точки. Чтобы проверить данные о противнике, собранные наблюдателями и воздушной разведкой, генерал решил заполучить «языка». Он сам проинструктировал разведчиков перед поиском, подчеркнув, что поручение это имеет первостепенную важность.

Получив задание от командира дивизии, Киреев стал подбирать для вылазки в фашистский тыл людей. И опять крепко поспорил с Мигуновым, который настоятельно предлагал взять сержанта Полянского.

– Мои ребята, – горячо ответил на это Киреев, – и без Полянского приведут «языка». Помощником будет сержант Федотов.

В конце концов Мигунов уступил ему, заметив как бы между прочим:

– Не передумал бы... Горячку порешь... – выколотил погасшую трубку, сунул ее в карман, дружески похлопал лейтенанта по плечу и покачал головой. – Ошибаешься, Евгений Венедиктович, ошибаешься. Доброго разведчика работы лишаешь. Полянский – парень, что алмаз: чист и тверд. Такой в лишениях не сломится, в беде не подведет. Извини, но в людях ты еще слабо разбираешься. Наказать, посадить под арест, судить трибуналом... Правильно сказал тогда генерал, не мудрено голову срубить, мудрено приставить...

– Я и это учел. Хочу, чтобы Николай глубже прочувствовал свою вину. Не думаю вовсе отказываться от него как от разведчика, но... Самокритика в уединении, один на один с собственной совестью, подействует на него благотворно. Никто не оспаривает его достоинств. Я согласен, что он прирожденный следопыт, но в армии положено выполнять, уважать и ценить приказы старших по званию.

– И все же... Личный пример...

– Что все же? Я предполагаю, о чем вы хотите сказать, товарищ капитан... Но поймите меня правильно, я не имею права рисковать всей группой как командир и как коммунист. В действиях моих вы, может быть, усматриваете какой-то привкус так называемой «личной бравады», но продиктована она суровой необходимостью войны. Лично разведав подступы к нужному объекту, я всегда веду группу наверняка. Вот почему я предпочитаю рисковать в одиночку...

– Ну, только договорились и опять... Давай прекратим спор, – уклонился капитан. – Куда же она запропастилась? Ах, вот! – Мигунов извлек из кармана еще теплую трубку, развернул на колене кисет. – Добавлю напоследок, что с таким толковым разведчиком я готов идти вдвоем куда угодно и когда угодно. Если уж на то пошло, могу на время забрать его у тебя! Не могу, а ей-ей заберу! Согласен?

– Если на время, то да!

– Решено, – и сразу же с нарочитой официальностью сказал. – Займитесь, лейтенант, подготовкой группы.

– Есть! – Киреев встал, круто повернулся на каблуках и ушел.

Мигунов распахнул окно и сквозь кустистую герань долго смотрел на широкую спину строптивного взводного, размашисто вышагивающего по тропе.

Демьян Федотов догнал Киреева у крыльца дома, в котором располагалось оперативное отделение дивизии.

– Товарищ лейтенант, разрешите обратиться? – и молодцевато подбросил к пилотке ладонь. – Вопрос у меня... Занозистый вопрос.

– Давай, обращайся! – сухо разрешил Киреев, все еще находившийся под впечатлением разговора с капитаном.

– Только, товарищ лейтенант...

– Давай без вступлений.

– Объясните, пожалуйста, что значит унитарная?

– Унитарная? – Киреев недоуменно посмотрел на Демьяна. «С чего вдруг тебе понадобились такие сведения?» – говорил этот взгляд. Но сказал командир взвода другое. – Унитарная? В каком смысле? В военном или политическом?

– В обоих! – в возгласе Демьяна чувствовалось неподдельное изумление: «И военный, и политический, и... Вот ведь словцо!». – Только самым популярным языком. Попал я, товарищ лейтенант, в полнейшее окружение. Позавчера рассказывал нашим ребятам историю одну из жизни старшего сержанта Полянского, а Нишкомаев Вакула вопрос насчет унитарной подкинул. Промолчать вроде неудобно. Ну и ответил я ему по-своему, как понимал. Сомнение берет: может, соврал? Дело-то серьезное...

– Понимаю. Уважение товарищей. Авторитет... Или проще, как говорится: совершь – вперед не поверят?

– Так вроде бы выходит...

– Что же, объясню. Видишь ли, слово унитарный происходит от греческого «унитас».

– Так я то и говорил, товарищ лейтенант! Я на унитаризм и ссылаюсь! Вот здорово! – Демьян искренне радовался подтверждению. – Есть у меня, значит, нюх, есть!

– «Унитас» в переводе на наш язык – единство, одно целое, а унитарный – объединенный, составляющий это целое. Взять, к примеру... Ну, хотя бы винтовочный патрон! Пуля, пороховой заряд и капсюль, соединенные гильзой в одно целое, – унитарный патрон.

– Насчет патрона – как дважды два! Но речь-то идет о республике унитарной. Точнее, о буржуазной унитарной республике в Гватемале.

– Вот куда махнул! Да это что-то уже вроде политбеседы. Как бы мне самому не пришлось обращаться за помощью к парторгу... Так, значит, унитарная в смысле государственности? В отличие от федерации, при которой, наряду с едиными центральными органами власти, в каждой области или провинции имеется правительство, унитарное государство не делится на самоуправляющиеся области... Но, как бы ни называлось буржуазное государство, суть в нем одна – неограниченная власть богачей-толстосумов и нищенское существование для трудового народа. А все эти ярлыки, как у нас в роте говорят, не слаще того самого... в общем, огородного растения, которое с редькой конкурирует. Понятно?

– Полное прояснение, товарищ лейтенант! Спасибо. Хотя и на слух я переводил это слово с греческого, а ответ Вакуле дал точный.

Удовлетворенный разъяснением, Федотов отправился разыскивать Николая. По пути завернул в ригу, объяснил Нишкомаеву в подробностях все, что услышал от Киреева об унитарном патроне и унитарной республике, заглянул в домик радистов, надеясь встретить друга там, и, совсем отчаявшись, неожиданно наткнулся на него в молоденьком березнячке.

Полянский расположился посреди зеленой лужайки. Перед ним на плащ-палатке, раскинутой на траве, как скатерть-самобранка, были разложены масленки, шомпола, какие-то клинышки, спицы, иглы, аккуратно выструганные из дерева. В походных сумках, что виднелись возле снаряженных патронами еще не закрытых круглых дисков, темнели рубчатые гранаты – «лимонки». Старший сержант осматривал затвор автомата, снимал с него тряпочкой песчинки, смазывал пазы.

– Старому таежнику! – Демьян с разбегу бухнулся на траву к ногам друга. – Второй час тебя разыскиваю. Думал, не найду, но интуиция...

– Лучше бы лицо вытер. Потное оно у тебя, как после парилки.

– Это можно. Вытру, – Демьян снял пилотку. – Какой-то умный человек специально отвороты у нашего головного убора предусмотрел. Взгляни, Коля! Теперь лицо у меня, как у новорожденного.

– Понес...

– Не понес, а начал воспитательную беседу, – уточнил Демьян. – Сколько раз тебе повторять, что язык наш требует абсолютной точности! Понес... Грузчики носят. Ты чего это за арсенал свой взялся?..

– Готовлюсь, Дема. Как-никак, а «языка» перед наступлением нам все равно брать придется...

– «Как-никак», – передразнил Демьян и, откинувшись на спину, мечтательно проговорил. – Взгляни, Коля, какие облака над нами. Хороши! Я, Коля, любил в детстве на облака смотреть. Лежишь где-нибудь в траве, смотришь в небо. А из облаков разные картины составляются...

Смотрели ли вы когда-нибудь на облака по-настоящему? Нет, не из окна комнаты и не во время прогулки, когда туча, закрывая от вас лучи солнца, вдруг привлечет ваше внимание. Нет, совсем не так! Попробуйте-ка остаться с облаками один на один. Вот тогда – это проверено на опыте Демьяна Федотова! – вы обязательно отыщете в их причудливых наслоениях и нагромождениях все, что занимает ваши мысли, волнует вас. Да, да! Ваше воображение оживит облачные рисунки, четче выпишет их, окрылит фантазией и вдохнет в них великий закон жизни – движение. Чудесными свойствами облака обладают нескончаемые вереницы «вечных странников», кочующих по небу, если смотрит на них впечатлительный человек. А Демьян Федотов был впечатлительным человеком.

Демьян задумался, разглядывая облака. И вдруг темные громады их пришли в движение. Видит Демьян безымянную высоту! Черная ломаная линия глубоких траншей. Крест-накрест колья заграждения. Обрывки ржавой колючей проволоки, дымятся подбитые танки с черными крестами на броне. Купол бронированного дота с темными глазами амбразур. А это что? Нет, нет! Это не солнечный луч пробивается сквозь толщу облаков! Это ударил из вражеского дота крупнокалиберный пулемет. Вот почему не видно в траншеях солдат! Им не дает подняться свинцовый ливень! А вдали, за дотом, за колючей проволокой, за мертвыми танками – синева. Солнце! Над бруствером появляется человек в серой шинели. На груди автомат. В приподнятой руке – готовая для броска граната. Он кричит что-то призывное, что-то горячее, что-то очень дорогое солдатам. И они все, как один, выскакивают из укрытий и идут, идут, идут вперед на врага...

Из-за кустов вышел лейтенант Киреев. Разведчики вскочили.

Не глядя на Николая, лейтенант сухо проговорил:

– Старший сержант, вам надо немедленно явиться в штаб дивизии к майору Соколову.

Николай быстро собрал автомат, завернул в плащ-палатку ружейные принадлежности и, захватив сверток в охапку, зашагал к сараю. Киреев обернулся к Демьяну.

– Через час группа в составе Рыбакова, Семухина, Нишкомаева должна быть в полной готовности. Вы старший. Группу поведу я.

– А Полянский, товарищ лейтенант?

– Выполняйте приказ!

От майора Соколова старший сержант Полянский возвратился поздно вечером. В риге было уже темно. Справа и слева доносилось посапывание, похрапывание. Кое-где подмигивали сигарки. Николай на ощупь добрался до своего места. «Неужели Демьян куда-нибудь вышел?» – думал он, проверив федотовскую постель.

– Полянский! – в мутном квадрате дверей возник темный силуэт.

– Я!

– Выйды до мэнэ, дило е! – голос принадлежал старшине Луценко. – Наши на заедания пишлы. Тоби цидулька вид Демьяна. Хлопэць, мабуть, з годуныу оливець мусолыв.

Николай оторопел. Поборов нахлынувшую вдруг обиду на Киреева, двинулся к выходу. Луценко сунул ему в руку свернутый треугольником конверт.

– Вы с Демьяном як парубок с дивчиною, розлучитыся нэ можэтэ. До дому лыста вин з пид палкы пышэ, а тоби, бач, цилу повисть намахав, – добродушно ворчал старшина. – Друзи нерозлуч-ни...

– Верно... друзья, – в раздумье протянул Николай. – Друзья.

– Так то ж я и кажу... Постий, Мыкола, чуть було не забув. В дывизию армийська агит-машина прыйшла. Просылы в Мыгунова выдильты кмитливого развидника, щоб репродуктор ближче до фашистських траншэй поставив. Капитан тэбэ намитыв як?

– Можно. Сейчас или чуть погода?

– Машина в транспортний роти... Пиды та спытай майора Евдокимова. Там и дивчина е, радыстка. Таких гарных дивчат я еще не зустрічав.

– Меня это не волнует, – Николай сунул письмо в нагрудный карман, перекинул через плечо автомат и пряником, через лесок, направился к транспортной роте.

В фанерном коробе агитмашины был виден свет. Хрупкая девушка настраивала аппаратуру. Примостившись на низком ящике с батареями, она, действуя перочинным ножом, привычно зачищала контакты. Когда Полянский поднялся в кузов по шаткой скрипучей лесенке из трех ступенек, не без труда протиснулся в узкие двери и, казалось, заполнил собой все помещение, девушка изумленно вскинула на него темные глаза:

– Ой, какой вы огромный! – это прозвучало так, что Николай растерялся, покраснел и развел руками.

– Такой уж... Есть уж, как родился... Обыкновенный... Мне бы вашего начальника.

Поскрипывая сапогами, к агитмашине кто-то подходил быстрым, энергичным шагом.

– Вот он – майор! Идет, – девушка опять склонилась над аппаратурой. – Скоро выезд, а мне вот еще обмотку на катушках надо проверить. Вы разведчик?

– Из разведки...

– Полянский? Майор разговаривал с капитаном о каком-то Полянском. Капитан хвалил того очень и обещал прислать к нам на помощь! Я и подумала, что вы – Полянский. Жаль, что ошиблась.

– Нет ошибки, – окончательно смутившись, проговорил Николай. – Я самый Полянский и есть. Только хвалить-то меня не за что...

Начальник агитмашины, легко взобравшись в крытый фанерой кузов, вопреки уставным правилам, обратился к разведчику по-граждански:

– Пришли, Николай Андреевич? Замечательно, замечательно! Вас рекомендовал мне командир разведроты как смелого и находчивого человека. У меня к вам одна просьба. Вы, голубчик, установите репродуктор поближе к фашистским позициям, чтобы немцы прослушали всю нашу передачу от слова до слова.

– Будет сделано, товарищ майор!

– Вот и прекрасно! Люся, аппаратура готова?

– Готова, товарищ майор!

По лощинам и оврагам, переваливаясь в темноте на ухабах, машина пробиралась к реке. Почти у самой цели пришлось переждать короткий артналет.

Николай почему-то думал, что его спутники не приспособлены к фронтовой обстановке. Но, понаблюдав, как они хладнокровно переносят вихревую встряску, изменил свое мнение.

Скоро уже совсем стемнело. Агитмашина на предельной скорости проскочила изрытый снарядами участок лесной дороги и свернула в овраг близ передовой. Николай закинул на спину катушку с кабелем, взял под мышку репродуктор и, обогнув болотистую низинку, вошел

в прибрежные камыши. Ему хотелось выполнить поручение как можно лучше, признаться, даже сверхлучше, чтобы знали о разведчиках из дивизии Букова, как о смекалистых и находчивых ребятах, чтобы эта девушка с удивительными глазами всегда помнила о бесстрашных «лесных призраках», способных на любое дело.

Излучина реки давно была знакома ему. Еще до злополучного поиска он обратил внимание на то, что сильное течение от конца песчаной косы ударяет в противоположный берег, в глинистый обрыв, на котором сейчас были расположены вражеские траншеи. «Так мы и сделаем, – подумал Николай, отвечая каким-то своим соображениям. – Соорудим установку». Отыскал в плавнях два заостренных кола, привязал поперек доску, намертво прикрепил к ней динамик и, разматывая постепенно шнур, пустил «суденышко» по течению. Струя подхватила плот, и со всего разгона острия кольев впились в противоположный глинистый берег.

– Все в порядке. Можно агитировать, – сказал Николай, возвратившись к машине. – Послушать разрешите?

– Вы знаете немецкий? – удивилась девушка. – Впрочем, разведчики – народ образованный...

Николай промолчал.

Майор приблизился к микрофону и несколько раз повторил:

– Ахтунг! Ахтунг! Ахтунг!

Затем он передал новости, рассказал о том, как после великой битвы на Волге Красная армия захватила инициативу и развернула широкое наступление по всему фронту, от Ленинграда до Кавказа, разгромив сто двадцать гитлеровских дивизий и сведя на нет успехи врага, достигнутые летом и осенью 1942 года.

Вражеский берег молчал. Казалось, не только люди, но и земля, и лес, и сонная река настороженно прислушиваются и жадно впитывают каждое слово. Потом где-то вдалеке заухала тяжелая артиллерия. Высоко в небе затарахтел невидимый самолет. Над рекой повисли осветительные ракеты. И сразу же дробно ударили пулеметы.

– Началось, Николай Андреевич! Как бы не заглушили наш громкоговоритель.

– О радиовещателе, товарищ майор, не беспокойтесь, – заверил Николай. – Провод под водой, динамик – на той стороне под берегом, в круче...

– На той стороне?!

– Под носом. Артиллерией его не взять, пулеметами тоже. А коли вздумают немцы радио ваше гранатами закидать... Это самый надежный и верный способ, но ведь наши пехотинцы не дремлют, следят за тем берегом. Мой землячок, солдат Коробов, не проморгает, не промахнется. Специально наблюдает. Я его предупредил.

В село Полянский вернулся поздно, но не лег спать, а устроился на улице, у дощатой стены риги, на ворохе душистого сена, и, освещая электрическим фонариком неровные карандашные строчки, принялся за чтение федотовского письма.

«До скорого, Коля! – писал Демьян. – Ухожу в гости. Перед дорогой сказал мне Семененко, что больше не бывать вместе с тобой в разведках. Так и сказал: „Чую“. А чутье у него наиострейшее: возле командира роты парень-то находится. Не печалься, – служить везде можно. Главное, чтобы кривулей и зигзагов не было. Солдатская служба – легче не надо. Выбьемся в генералы – труднее будет. Да что я тебе объясняю: сам знаешь. Ты с комдивом теперь запросто разговариваешь, чай пьешь. Смотри, Колька, назначат в командующие, не забывай разведчиков. Среди них есть очень приличные люди. Взять, к примеру, меня. Всем вышел – и умом, и смелостью, и силой... Правда, быков на себе через реки не таскал, но дрова в мирное время домой доставлял исправно, без посторонней помощи.

Стой! О чем-то я еще хотел рассказать? Никак не припомню! О чинах? Конечно, о них. Так вот, слушай. Может, с глазу на глаз передать не доведется, так я на бумагу выложу.

Отстукал солдат год срочной службы. Живет – не тужит (служить ему осталось, как медному котелку) и за безупречность повышение получил: в ефрейторы произвели. Решил он мамашу порадовать, отписать ей о своей службе, заслугах и так далее. Сел вечером за столик, взял в руки карандаш и накатал старушке посланье такого же размера, как и я тебе, может, чуть-чуть побольше. А в письме, между прочим, обмолвился, что получил ефрейторский чин и – вот хитрец! – намекнул, что ефрейтор – это самый старший из солдат. Получила матушка сыновью бумаженцию, прочитала – и за сердце: вот тебе и сыночек! Пораскинула умом, а что значит ефрейтор, не понимает. Туда-сюда – всю деревеньку обегала: интересуется сыновним чином. И мужиков, как на грех, в деревеньке той порой не было – на покосы уехали. Ну, женщины-то и решили: старший солдат – это генерал, а самый старший, выходит, – ефрейтор. Мамаша от волнения места найти не может. И радость ее берет, и тревога: закружится вдруг у парня голова. Посылает она письменный наказ. „Милый Коленька! (Это не о тебе, Николай, честное слово. Того ефрейтора – так рассказывали – тоже Николаем звали). Рада я до смерти, что в чине тебя повысили. Хорошо это, но смотри не гордись и генералов не обижай, чтобы по справедливости было. Помнишь, в позапрошлом году к Марии Свешниковой сын приезжал? Генерал, а какой душевный. Наверно, Коленька, штаны-то с красными полосами на боках тебе идут? Посмотреть бы мне, старой, хоть одним глазком. Вернешься со службы, зашлем сватов к Дарье. Сейчас-то не откажет она, хоть и агрономша...“»

Полянский улыбнулся немудреной солдатской шутке и задумался. «Даже в письме Демьян не может обойтись без прибаутки. Горько было ему, по письму видать, что горько уходить во вражеский тыл без меня. А он шутит, скрывая тоску. Эх, Демьяша...» Николай опять включил фонарик.

«...Не знаю, – писал Федотов, – одобришь ли мой план, но все равно хочу сказать. Решил я на этот раз увязаться за лейтенантом. Пойду за ним, как тот бычок, что у тебя в Забайкалье проживает. Если погонит Киреев, рапорт подам. Пусть переводят в другой взвод, или к тебе переметнусь – по разрешению, конечно! Коля, мне, как и тебе, надоело бездельничать. Мы разведчики, а не натуралисты... Смотрю я на лейтенанта и думаю: не всегда правильно поступает он. Все сам и сам... Риск, конечно, дело благородное, но на то мы и разведчики, чтобы вместе со своим командиром смотреть в лицо опасностям, а не отсиживаться и ждать, когда лейтенант все сделает и подаст нам в руки – берите! Подробно писать об этом не буду: приду – с глазу на глаз переговорим и решим, как быть дальше. Ну, а теперь – „жди меня, и я вернусь...“ Твой Демьян».

Полянский перечитал последние строки, бережно свернул письмо и спрятал его в нагрудный карман гимнастерки. Возвращаться в сарай не хотелось, ночь была тихая, теплая. Вдалеке лениво брехала собака. Над передовой все еще вспыхивали сигнальные ракеты. Высоко в небе, постепенно нарастая, возник гул мотора. Самолет. Чей он? Наш ли бомбардировщик возвращается, выполнив задание, или фашист крадется в ночи, чтобы засыпать бомбами какой-нибудь спящий город? По звуку моторов – должно быть, наш.

Николай откинулся на спину. Сухие колючие стебли приятно щекотали шею. Закрыв глаза и представил смеющееся лицо Демьяна. «Может быть, пробирается он сейчас по земле, занятой врагами. Вместе с ним Рыбаков, Семухин, Нишкомаев. Не оплошай, Демьян!» И он почувствовал вдруг то тревожно-настороженное состояние, какое обычно бывает в разведке. «Демьян, где ты сейчас?»

«А может быть, – размышлял в свою очередь Демьян, – Николай уже прочитал мое послание и тревожится за нас. Не спит, конечно. До утра глаз не сомкнет...»

Разведчики благополучно миновали передний край, густым перелеском обошли немецкий патруль, охранявший дорогу к станции, и остановились в развалинах небольшого ремонтного заводика, что располагался на окраине Ключей. Давняя бомбардировка разрушила его до основания. Рваные листы железа, причудливо изогнутые прутья арматуры, торчащие из

железобетона, как оголенные ребра, раскиданные взрывами станки – все смешалось, образовав несокрушимую баррикаду с тайными ходами, подземными казематами. Разыскать человека в таком хаосе было почти невозможно.

Демьян, осматривая остовы цехов, обнаружил в одном незасыпанный ход, ведущий к канализационному колодцу.

– Не провались, Вакула, – предупредил он Нишкамаева. – Яма.

– Ага, – откликнулся тот.

Киреев подвел группу к черному, дышавшему сырой свежестью пролому, обращенному в сторону станции, погруженной во мрак, и сел на бетонную плиту.

– Уточняя задачу, – проговорил он, скользнув тонким лучом зачехленного карманного фонаря по сосредоточенным лицам разведчиков. – С прошлой вылазки мне известно, что по тропе возле этого пролома каждые три часа проходят патрули. Отсюда до караульного помещения они двигаются двадцать минут. Времени вполне достаточно, чтобы взять «языка» и запутать следы. Все ясно? Сейчас двадцать три часа тридцать минут. Гитлеровцы не могли изменить распорядок патрулирования: они пунктуальны. В час тридцать встретим «гостя». Федотов, организуйте наблюдение. Я тем временем попытаюсь проникнуть на станцию.

– Товарищ лейтенант!

– Отставить разговоры! В Ключи иду один. Рисковать не будем. Если не вернусь, выполняйте задачу! Кстати, не забывайте, что самовольство может привести нас к гибели. А не выполнить задание командования – значит сорвать операцию.

Киреев выбрался из развалин и растворился в темноте.

– Хотя и суховат командир, но парень лихой, – отметил Рыбаков. – Всю жизнь такие люди словно по острию бритвы прогуливаются, и ничего...

– Рыбаков, – неожиданно распорядился Демьян, – обеспечить наблюдение за тропой. Да наблюдайте по-настоящему. Там, где не доглядишь оком – платишь боком! Так оно получается.

– А ты куда?

– По делу! Вопросы отставить!

Темнота была густой, непроглядной. Но Федотов давно свыкся с ночными вылазками и переходами. Он безошибочно нашел тропу, которая бежала через пустырь, заросший бурьяном, затем скатывалась в овраг, петляла среди кустарников и упиралась в обрыв. Запрокинув голову, Демьян посмотрел туда, где черная линия крутояра соприкасалась с более светлым фоном – небом. На кромке возник силуэт человека. Возник и сразу же исчез. Демьян припал к земле и пополз. Преодолев крутизну, очутился в саду. От яблони к яблоне, от вишни к вишне перебежал он, пробираясь к единственно освещенному окну. От садовой калитки до угла дома расхаживал солдат. Иногда он останавливался у плетня, перебрасываясь двумя-тремя фразами с часовым, охраняющим двор. Выждав подходящий момент, разведчик бесшумно скользнул в густой куст сирени, росший возле завалины под самым окном. Неплотно прикрытое, оно было задернуто темной шторой. Но в щель виднелась вторая занавеска из полотна. На ней, как в театре китайских теней, вырисовывались два четких силуэта. Федотов подкрался к завалине и прислушался. В комнате говорили по-русски:

– А, Герт, здорово! Что нового?

Силуэты сблизились. Один из них жестикулировал.

– Поздравляю, Фриц, с повышением! Глупо смерть встретил Руттер. У меня – важное сообщение. Можно здесь говорить?

– Дом охраняется надежно.

– Буров получил приказ отбить Ключи. Надо принимать меры. У русских большая надежда на танки и артиллерию. Они сосредоточиваются в районе Клинцов. Необходимо учесть, что на этот раз в бою будут и гвардейские минометы.

– «Катюши»? Где намечается главный удар?

– Вот план боя. Я сделал его опять в виде шахматной партии. Шифр известен? Задерживаться не буду: опасно. Ладейные ходы – направление танковых атак – сделаны ориентировочно. Могут быть изменения.

– Превосходно. Как чувствуешь себя, Герт?

– Укрепился в гнезде намертво... Но Руттер наделал мне хлопот. В его полевой сумке обнаружена карта-копия штабной, которую я составил в прошлый раз. Конечно, русские контрразведчики не будут сидеть сложа руки. Подозреваю, что один из них уже находится в дивизии. Это пока еще предположение. Я сфотографировал его на всякий случай. Вот негатив... Ну, да, как говорится, бог не выдаст, свинья не съест... Не найдется ли рюмки хорошего коньяка?

Демьян услышал, как забулькала жидкость.

– Разведчики на месте?

– В развалинах завода, следят за тропой.

– «Хвоста» нет?

– Уверен.

– Смотри, чтобы не повторилась история Руттера. Наш шеф Штауберг взбешен. Захватить такого офицера, да еще у самого штаба, в полдень! Это – пятно на всю нашу разведывательную службу.

– Я избавился от виновника той печальной истории.

– Пристрелил?

– Нет. Пока его отстранили от разведки. А пристрелить его должны были вы, а не я.

– Мы! Да знаешь ли, что он вместе с Отто еще троих к праотцам отправил?

– Знаю.

– Это не человек, а сущий дьявол. Он дрался, как зверь. Вот кинжал. Его нашли в груди проводника. На рукоятке есть фамилия. Полянский, как будто? Можно позавидовать его выдержке.

Услышав фамилию друга, произнесенную с такой злобой, Федотов схватился за автомат, сдвинул предохранитель, но вовремя одумался и снова прильнул к окну.

– Итак, к делу, Фриц! Разведчики должны привести «языка». Буров приказал добыть его любыми средствами.

– Гут! Мы пошлем агента номер четыре. Направим его, как и было задумано, по тропе к заводским развалинам. Он способный артист и настоящий солдат. Русские не сумеют выдавить из него ничего лишнего.

– Передай ему для уверенности, Фриц, что с пленными русские обращаются хорошо. Отправят в глубокий тыл, там он будет в безопасности. Пусть ровно в час тридцать явится на место. Шепни, чтобы не сопротивлялся. И последнее. Необходимо ликвидировать старика – хозяина дома, возле которого был схвачен обер-лейтенант Руттер. Этот старик информирует русских о расположении наших войск в районе станции Ключи.

Демьян и верил, и не верил. «Кто этот предатель? Голос знакомый, но не киреевский. Кому, кому он принадлежит?»

Чтобы увидеть лицо врага, Демьян пошел на риск. Переждав, когда часовой удалится к садовой калитке, он привстал и заглянул в просвет между неплотно задернутыми занавесками. Никаких сомнений быть не могло. За столом спиной к окну сидел, потягивая из рюмки коньяк, человек в маскхалате. Напротив небрежно развалился в кресле худощавый офицер.

Почувствовал ли человек в маскхалате взгляд Федотова, но, видимо, ему стало тревожно, и он, не оборачиваясь, смахнул со стола лампу. Комната погрузилась во мрак. Послышался топот сапог. Заскрипела калитка. По листве деревьев затанцевали огни карманных фонарей. Федотов нырнул в темноту сада, перебегая от куста к кусту, добрался до оврага, скатился по склону вниз и побежал. Он торопился. За Демьяном след в след увязалась какая-то тень. В

кустах, у выхода из оврага, на глинистой осыпи эта тень бесшумно бросилась на сержанта и нанесла ему сильный удар по голове...

Ровно в час тридцать группа разведчиков захватила «языка». Сухопарый унтер-офицер не оказал никакого сопротивления. Двадцать минут друзья ждали Федотова. Киреев беспокоился, он поминутно смотрел на часы, выглядывал в зияющий темнотой безмолвный пролом.

– Рыбаков, – после некоторого колебания проговорил, наконец, он, глядя на фосфоресцирующий циферблат, – фашисты с минуты на минуту начнут разыскивать патрульного. «Язык» должен быть в штабе дивизии. Демьяну придется оставить знак, – добавил он, впервые назвав Федотова по имени. – Дорогу он знает.

Подняв кусок извести, Киреев широким взмахом поставил на одной из уцелевших бетонных плит огромный крест и крупно написал: «Ушли по старой дороге!»

...Генерал Буров слушал рапорт командира взвода. Лейтенант говорил сухо, лаконично. Когда он рассказывал о причинах очевидной гибели сержанта Федотова, в голосе его генерал почувствовал немой укор, понял этот укор и смолчал.

Поздравив разведчиков с успехом, Буров поблагодарил каждого и при них же приказал начальнику штаба оформить материалы для награждения.

Сальский, Мигунов и другие офицеры полушутя, полусерьезно потребовали от лейтенанта банкета в честь благополучного исхода операции и будущей награды.

– Луценко, – позвал Мигунов. – Доставь в столовую неприкосновенный запас. Надо отпраздновать по-настоящему подвиг моих орлов.

Офицеры вышли со двора. Полянский сиротливо стоял в сторонке, у калитки. Он и не заметил даже, как приблизился к нему Семухин. Стиснув до боли руку старшего сержанта, он взглянул на него виновато, заметил на глазах товарища слезы и, вздохнув, зашагал прочь.

Не мог побороть Николай этих слез, не мог и не хотел. Отыскав Рыбакова, он, взяв его под локоть, отвел подальше, в самый глухой уголок двора и начал выпытывать все, что, казалось ему, может пролить свет на таинственное исчезновение Демьяна. Но Рыбаков ничего определенного не сказал. Николай печальным вышел на улицу, побродил по безлюдному селу, миновал поле и очутился в лесу у глубокого заросшего орешником оврага.

В густых кустах на краю обрыва он сел, свесив ноги. Над головой перешептывались листья. Этот шепот, то затихающий, то нарастающий, напомнил почему-то Николаю знакомую мелодию. И, как бы вторя ей, он вполголоса запел «Коптилку» – любимую песню Демьяна.

Но чей это, чей автомат на топчане.
Гранатная сумка и острый кинжал?
Откликнись, наш друг, весельчак-свердловчанин.
Ведь ты эту песню всегда запевал.
Опять голова старшины наклонилась,
Опять по щеке прокатилась слеза...
Коптилка, коптилка, зачем начадила,
От копоты, что ли, так щиплет глаза?
Мы знаем, но ждем и не верим в разлуку,
В разлуку, что встреч не сулит никогда!
И смерть отступает, почувствовав руку
Бесстрашного парня, лихого бойца.

Вспомнил Николай о письме. «Что произошло между Киреевым и Федотовым там, за линией фронта? Не показать ли письмо майору Соколову? Что-то уж очень много подозрительного в поведении лейтенанта, много неясного. Ну хотя бы тот же самый рассказ майора о записной книжке обер-лейтенанта».

Вчера Соколов сказал Николаю, что при помощи лабораторной обработки на чистом листе, первом листе записной книжки Руттера, добытой разведчиками, удалось прочесть запись, сделанную карандашом на предыдущей странице. Это были выдержки из секретного приказа Гитлера о подготовке к операции «Цитадель» – наступлению на Курско-Орловской дуге. Майор даже процитировал одну из них:

«Я решил, как только позволят условия погоды, – говорилось в приказе, – осуществить первое в этом году наступление „Цитадель“.

Это наступление имеет решающее значение. Оно должно дать нам инициативу на весну и лето.

Поэтому все приготовления должны быть осуществлены с большой осторожностью и большой энергией. На направлениях главного удара должны использоваться лучшие соединения, лучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления...»

– Восстанавливать текст, – проговорил вслух Николай, поднимаясь. – Почему восстанавливать?

Он вдруг ясно вспомнил, как Демьян, роясь в офицерской сумке, нашел блокнот и хотел сунуть его в карман. Но первая страница была исписана мелким убористым почерком. И Федотов положил книжку на место...

По дороге в штаб Николай встретил капитана Сальского. Тот шагал по узенькой тропе к офицерской столовой и, размахивая прутиком, что-то насвистывал. Заметив Полянского, он шутливо протянул:

– А-а-а... Опальный сержант! Знаешь, есть замечательные стихи графа Алексея Толстого про князя Курбского. Был такой на святой Руси. «Князь Курбский от царского гнева бежал...» Чего загрузил?

– Друг у меня из разведки не вернулся, – с трудом проговорил Николай. – Разрешите идти, товарищ капитан?

Кирееву было не до веселья. Праздничный стол ломился от военоторговских яств. Лейтенанта поздравляли, но он был рассеян, то и дело порывался куда-то идти. Его не отпускали. Мигунов обидчиво выговаривал:

– Ты, Женя, – юбиляр. Терпи, друже, коли заварил такую кашу.

Когда в столовой появился Сальский и рассказал о встрече с Полянским, Киреев не выдержал, вышел из-за стола и, извинившись, направился к дверям.

– Куда, Женя, спешишь? – прищуриваясь, спросил раскрасневшийся Мигунов. – Не в медсанбат ли?

– Туда, – в тон ему ответил Киреев.

– Ну, ну... Желаю удачи. Возвращайся поскорее, ждать будем...

А вечером в штаб дивизии прибежали два деревенских паренька и, заикаясь от волнения и страха, рассказали, что в орешном овраге лежит «неживой лейтенант-разведчик. Из спины у него ножик торчит с костяной ручкой».

...Убитым оказался Киреев. Кинжал принадлежал старшему сержанту Полянскому.

Враг не должен унти...

«И везет же человеку, черт возьми! – горько размышлял Николай. – Не опомнился еще от первой истории, уже – вторая». Обоюдоострый кинжал с тяжелой костяной рукояткой из лосяного рога, на которой старательно было выжжено каленой иглой «Н. А. Полянский», на сей раз обратился против хозяина.

Непричастный к загадочному убийству, Николай был взят следователем на заметку. Все складывалось против него. Во время происшествия бродил он по лесу? Бродил. Ходил к майору Соколову, чтобы высказать свои и федотовские подозрения? Ходил. Изливал перед товарищами неприязнь к лейтенанту? Изливал. Говорил, что Киреев зря взелся на него и теперь попусту травит? Говорил. И в довершение всего мастерский удар, нанесенный кинжалом, показывал, что находилось оружие в руках опытного человека, в совершенстве изучившего приемы безмолвного боя. А кому, как не разведчику, они известны?

Все считали, что Полянскому приходится туго, друзья пытались, как могли, утешать его, подбадривать, но Николай стал избегать с ними встреч. Демьяну он, конечно, сказал бы все, что было на душе, но ведь его нет рядом!

Из штаба армии прибыл второй следователь военной прокуратуры. Было арестовано несколько человек, близко стоявших к лейтенанту. Полянского не раз следователи вызывали для разговора. О чем беседовали с ним, Николай не говорил даже Мигуну, хотя тот проявлял к этому живейший интерес.

Николай старался стойко пережить все напасти, однако за эти дни он сильно изменился. На подбородке щеткой топорщилась колючая русая щетина. Щеки ввалились. Под глазами, воспаленными от бессонницы и горящими лихорадочным нездоровым блеском, легла синева.

Каждое утро, застегнув потуже широкий ремень и куском суконки смахнув пыль с кирзовых сапог, он отправлялся к Соколову или к следователям в сопровождении солдата: после убийства лейтенанта Николай, как подозреваемый, был под наблюдением.

В этот день с утра его вызвал майор.

Солнце уже успело накаливать землю, и она дышала жаром. Обессиленно повисли ветви деревьев. Воробьи воровато сновали у колодца, подбираясь к пустой колоде, из которой обычно ездые поили лошадей. Даже колодезный журавель, мерно раскачиваемый горячим степным ветром, поскрипывал со слезой в голосе: «Пи-пить... пиий-ить!»

Полянский, ожидая, когда освободится майор, укрывшись в тень и, обмахивая потное лицо пучком полыни, источающей горький аромат, прислушивался к отдаленной артиллерийской канонаде, что доносилась с левого фланга. «Соседи, должно быть, в наступление перешли», – привычно подумал он.

– Жив-здоров, землячок? – вдруг раздалось за спиной. – Вот встреча!

Перед Николаем, улыбаясь, щурился от солнца светло-серые глаза, стоял низкорослый бородатый пехотинец в выцветшей гимнастерке. Белые полосы, охватывающие темные пятна пота на спине и под мышками, указывали на то, что солдату где-то пришлось крепко потрудиться.

– Коробов?

– Он. В штаб дивизии наведывался, – хитроватое лицо бородача приняло такое выражение, словно посещение штадива было для Коробова самым обычным времяпрепровождением.

– Не секрет?

– А чего мне от тебя таиться? Перебежчика оперативной важности привел. На том участке, где и вы, реку он перемахнул. В обнимку с бревном плыл и на меня угадал. Везет мне, землячок, в таких делах! Как заварушка, так и знай, – дежурит Коробов. Хорошо бы моего-то пленного к той агитмашине приспособить. По дороге понарасказывал мне он пропасть разных интересностей! Да что мы стоим-то? Пойдем, сядем на бревно, вон туда, к сараю! Задымим? –

солдат деловито прикрыл листьями лопухов капли смолы, проступившей на свежееотесанных бревнах, устроился поудобней, достал вышитый кисет, из него стопку нарезанной газеты и принялся скручивать «козью ножку». – А у тебя каковы дела-то? Двигаются?

– За три дня семь бед, и все на одного, – Николай сокрушенно покачал головой.

– Бывает, – согласился Коробов, слюня бумагу. – Но ты, земляк, не горюй шибко-то. Перед тем, как через передний край к фашистам в тыл перемахнуть, пока саперы на нейтралке колючку резали, дружок твой, Демьян, историю мне презанимательную рассказывал... Ты чего поугрюмел? Случилось что?

– Погиб Демьян, – глухим от напряжения голосом проговорил Николай, опуская голову. – Не вернулся из разведки.

– Не вернулся? – Коробов поерзал на месте. По лицу солдата было видно, что решился он тут же исправить допущенный промах. – Не вернулся – это еще не погиб. Да у тебя, землячок, такой друг, которого даже сварливой тещей не прошибешь. Сквозь шар земной пройдет. Не погибнет он, вернется. Коли нет Демьяна, я эту историю для тебя повторю, а Демьян прибудет, подтвердит. Правильная историйка, в самый раз под сей момент подходящая. В деревне одной, слышь, мужичок проживал. Емельяном его кликали. Так тот прямо извелся от напастей, – Коробов прикурил, выпустил клуб дыма, хитро сощурился и удовлетворенно причмокнул губами. – В каждом деле, земляк, заметь, цепочка из однородных фактов имеется. Будь дело горестным или радостным, все одно. Ранили тебя, к примеру, и на второй раз ранят, а не убьют. Уж это – точно! На себе, землячок, испытано. Судьба не судьба, а этакое стечение обстоятельств, коли говорить по-ученому. Но все это, конечно, байки. Жизнь у каждого своя, и мотает всех она по-разному. Значит, жил в одной деревне Емеля. Работящий мужик, но с придурью. Из ста у него, может, одного или двух не хватало: заполошный больно. Жена Емельянова – не кровь с молоком, а борщ со сметаной: и вкусная, и кислая. Норовок у нее на вооружении имелся. Своенравья такого никто из порядочных мужиков, землячок, отродясь не видывал. У нас бабы завсегда на месте. Так вот, Емельяниха-то, выгадав ласковую минуту, и говорит супругу: «Поставь под черемухой в палисаднике столик и лавочку».

Попробуй, отнекайся, коли жена просит. По правде сказать, Емеля еще кое-чего побаивался. Баба у него была – не приведи господь шуплому человеку.

Спозаранку достал Емеля рубанок, выбрал в сарае доску пошире, и за работу. Только стругать начал, сломал инструмент. «Тьфу ты, грех какой!» Насилу другой рубанок у соседа выпросил. Привел доску в божеский вид, наловчился сиденье приколачивать. Наставил гвоздь, размахнулся – тят! По пальцу, будь она неладна! С грехом пополам воздвиг и стол, и скамейку. «Получай, благоверная! Хоть насквозь просиживай!»

Та, как это бывает, на городской манер, чмок мужика в одну щеку, в другую. «Самовар поставлю на радостях, – говорит, – а ты, Емельюшка, возьми дымарек да на пасеку прогуляйся за медом, к чаю-то».

Плюнул мужик с досады, взял дымарь – и на пасеку. Упрел, пока до нее добрался. Дымарь разжигать надо. Хватился спичек, – вот те раз! – дома оставил. Прикинул: «Не обратно же топать. Обойдусь без механизации!» Подошел к улью, крышку с него набекрень, а оттуда как хлынут пчелы, будто лава из вулканного кратера. Замахал мужик руками, и через это вовсе насекомых из себя вывел. Они его и обработали. Еле домой приплелся. Емельяниха ему навстречу:

– Муженек, покамест самоварчик доходит, посидим на лавочке, тенек...

– Сама теньком наслаждайся, – взревел на бабу Емеля. – Мне теперь, как мерину, недели полторы спать на ногах придется. Ишь, насекомые расписали. Страх!

Жена, конечно, сочувствие поимела:

– Не печалься – это полезно. На прошлой пятнице по радио передавали врачу беседу. Сказывают, пчелиными-то укусами разные болезни лечат... Не можешь сидеть, иди за самоваром доглядывай.

Вошел мужик в избу, взялся за старый сапог, самовар продуть, а с улицы истошные крики. Выскочил за ворота, смотрит, а в палисаднике у столика, распластавшись на земле, супруга такими словами его костерит, что и вспоминать стыдно. Скамья-то напололам в самой середине переломилась. Глянул Емеля и понял: доска-то на ульи заготовлена была, с пазом.

Коробов бросил самокрутку в траву, наступил на огонек сапогом.

– Видишь, как мужика напасти замучили? – заключил он. – В один день.

Николай улыбнулся:

– Не мог Демьян жить без веселых шуток-прибауток. Весь он в них. Так ты меня, землячок, под Емельяна, что ли, рядишь?

– Выходит.

Полянский взглянул на часы и поднялся.

– Пока развеи скуку с моим «адъютантом», – он указал на сопровождающего солдата, – а я к начальству заглянуть должен.

– Ишь ты. И адъютанта заимел?

– Рад бы... Да вот придали. В общем, подождешь?

– Время терпит.

Ординарец, как только старший сержант показался в дверях кухоньки, загородил ему дорогу и сделал страшное лицо.

– К майору и не думай пробраться. Полковник какой-то из штаба прибыл. Третий час беседу ведут. Шесть котелков чаю выпили. А накурили... В комнате завеса дымовая. Ты пережди малость. Освободится, тогда позову.

– Быстро управился, – встретил Николая Коробов. – Разговаривать, поди, не захотел?

– Занят пока.

– Сурьезная причина. Не с моим ли перебежчиком беседует? Будешь? – солдат опять протянул Николаю кисет.

– С детства не приучен. Не курю. А ты частишь. Не вредно ли?

– Кому как. Для меня махорка – и еда, и тепло, и собеседник, лучше не придумаешь... Значит, и не нюхаешь зелья. Не из староверов случаем?

– Нет.

– А я еще в гражданскую к нему приохотился. Так на чем мы остановку сделали? На перебежчике? Он по-нашему бо-о-ойко балакает. Сказывает, что с шестнадцатого года из плена наш язык в Германию привез. Всю дорогу немец-то теперешнюю ихнюю жизнь расписывал. Не сладкая. Фюрера поносил, будто пьяный кучер норовистую клячу. «До точки, – говорит, – довели они, паскудники, фатерланд...» Рассказывал еще про Геринга. Жиру, говорит, в нем фунтов триста... Когда на фронт Восточный... как их там... тотальников, что ли, выпроваживали, он перед ними будто выступил и успокоил, что, слышь, неважно, где немецкий солдат будет убит, важно, чтобы долг он выполнил. Мягко боров стелет. Вояки-то речей сладких не принимают. Нет у них в жизни курса твердого. А без твердости в жизни завсегда хреновина получается.

При такой, как у теперешних герингов, ситуации и с мякиной в голове сообразить можно, к чему дело-то клонится. Лупят их и под Ленинградом, и у нас под Курском... Солдаты-то, хошь не хошь, мараковать начинают. Фюрер, слышь, все на зиму кивал. Что-де морозы, что-де великогерманцы в тепле воевать привыкли. Солнышко пригреет – организуем блицкриковскую победу. Конечно, один крик и получился. На Волге-матушке, а потом по всему фронту – с севера до южных мест – дали им такого чесу, до сих пор бока ноют.

– Понимать, говоришь, немцы стали? Раскусили?

– Гитлера-то? Уясняют. Меж собой солдаты-то говорят: «Кто пойдет за фюрером, тот не только ничего не выиграет, но и потеряет то, что у него есть».

– Башковитый перебежчик, – нетерпеливо поглядывая на крыльцо, заметил Николай. – Он многое разяснить может. Прав ты. Хорошо бы к микрофону его поставить.

– Это уж точно, – согласился Коробов и, придвинувшись поближе к Николаю, зашептал доверительно. – Слышь, землячок, знают фашисты про наступление, которое мы вроде задумали вскорости на Ключи предпринять. И откуда они такие точности добывают? Мы еще и пальцем не повели, а они уже контрудар готовят...

Жаркий шепот бородача словно подхлестнул Николая. Перед глазами отчетливо возникли последние строки письма Демьяна. «Верить ли?» Захваченный внезапно пришедшим на ум открытием, он вскочил и сказал:

– Извини, землячок, тороплюсь!

Ординарец Соколова опять было попытался преградить ему путь, но от легкого толчка отлетел к стене, поднялся, потер ладонью ушибленное плечо, отряхнул с гимнастерки следы известки и сказал зло:

– Сатана!

Но «сатана» уже скрылся за дверью.

В комнате с побеленным потолком и чистым земляным полом было прохладно и совсем не накурено. За столом у окна сидел пожилой полковник. Он оторвался от бумаг и, сердито нахмурясь, взглянул из-под крылатых седых бровей на сержанта. Николай вскинул руку к пилотке и замер в нерешительности.

– Почему без стука? Что же вы молчите? Уж если самовольно пожаловали, докладывайте, по какому делу. И после всего прочего, если сами не можете держать в руках бритвы, рекомендую обратиться к дивизионному парикмахеру, а не ходить с такой щетиной.

– Павел Федорович, – вмешался Соколов. – Я ему посоветовал не бриться по тактическим соображениям. Дело Киреева...

– Говорите, сержант.

– Есть, товарищ полковник! – окая, проговорил Николай. – Можно обратиться к товарищу майору?

– Пожалуйста.

– Товарищ майор, я о лейтенанте Кирееве! Хочу высказать некоторые, по-моему, важные соображения, – и он обстоятельно изложил свои предположения о тех действиях, которые мог совершать бывший командир взвода под видом разведки. – И Демьян Федотов, уходя в последний поиск, об этом писал... А вот за что и кто убил лейтенанта Киреева? Кинжал мой, это известно. Но я его в гитлеровце оставил, когда от погони отбивался!

Полковник, который тоже внимательно слушал Полянского, улыбнулся, поднялся со стула и приблизился вплотную к разведчику.

– Глаз точный и наблюдательный. А вот выводы... С ними, старший сержант, надо повременить, – он посмотрел на Соколова. – Работник будет подходящий, майор, я согласен. Только дисциплинка, дисциплинка... Горячку пороть не следует. Вам неясно, кто убил Киреева? Как раз мы об этом и говорили перед вашим приходом. Что ж, теперь, пожалуй, и вас в это посвящать можно. Садитесь, старший сержант, будем думать вместе. Повторяю, ваши подозрения преждевременны. В дивизии орудует или орудовал враг, имеющий доступ к секретным документам. Но кто он? Вот этого-то мы сказать пока не можем. К великому сожалению, не можем. Предположим на миг, что это был Киреев. Тогда кто и за что убрал его с пути? Значит, кроме Киреева, есть еще кто-то. И он, этот кто-то, разгуливает сейчас на свободе. Задача трудная, со многими неизвестными. Сплошные иксы, игреки и зеты. Что же касается перебежчика, то нам уже все о нем известно. Капитан Мигунов прислал подробный протокол допроса. Помните, старший сержант, любая разведка не терпит горячности. Тем более такая разведка,

как наша. Привыкайте к сдержанности, – полковник вскинул на Николая испытующий взгляд. – Перебежчик упомянул дважды о записи какой-то шахматной партии, доставленной в Ключи несколько дней тому назад.

В дверь решительно постучали, и почти сразу же через порог, чуть пригнувшись, чтобы не удариться головой о притолоку, шагнул адъютант командира дивизии.

– Генерал приглашает полковника Силина. И вас, товарищ майор, тоже.

Собрав бумаги, офицеры тотчас отправились к командиру дивизии.

Николай – майор попросил его никуда не отлучаться – вышел на крыльцо. На бревнах, у сарая, сидел в одиночестве его «адъютант»: Коробов не дождался.

На улице, за забором, слышался плеск воды и довольное побрякивание, прерываемое добродушной перебранкой:

– Куда льешь, идол?

– На спину.

– Не на спину, а в штаны. Держи бадью повыше.

– А ты не побрякивай, штаны высохнут.

– Так сапоги ж на мне! Лей по-людски!

По голосам Николай узнал Рыбакова и Нишкомаева. Раздетые до пояса, они с наслаждением принимали у колодца холодный душ. Худощавый невысокий Вакула, с трудом приподняв до плеч тяжелую деревянную, окованную обручами, трехведерную бадью, щедро поливал пунцовую спину Виктора Рыбакова. Прозрачная и даже на вид ледяная вода тугой струей падала тому на спину, рассеивала радужные брызги, стремительно скатывалась к голове и, омывая крепкую шею, стекала в траву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.